

СТАЛИН

Политическая биография

Исаак Дойчер

Предисловие ко второму изданию

Настоящее издание книги *Сталин* выходит почти через двадцать лет после того, как она была написана. Когда летом 1948 года я завершал работу над книгой, Сталин всё ещё находился на вершине своего могущества, во всём мире им восхищались и его боялись, а в собственной стране он был окружён головокружительным «культом».

Да и сам мир выглядел тогда совсем иначе. Советский Союз ещё не обладал ядерным оружием; до победы китайской революции было ещё далеко; а разрыв Сталина с Тито лишь начинал появляться в газетных заголовках.

На последних страницах книги я предварил свою оценку деятельности Сталина следующими словами:

Здесь мы прерываем рассказ о жизни и деятельности Сталина. Мы не пытаем иллюзий, будто уже можем сделать окончательные выводы или вынести уверенное суждение о нём самом, его достижениях и неудачах. После стольких взлётов и падений его драма, кажется, только теперь приближается к своей вершине; и мы не знаем, в каком новом свете её последний акт ещё может представить все предыдущие.

Именно этот «последний акт» я теперь описываю в новом разделе книги — *Послесловии о последних годах Сталина*.

После 1948 года драма моего главного героя действительно достигла своего окончательного апогея, за которым последовало постепенное разрушение культа Сталина. И всё же замечание, которым я предварил оценку его роли, теперь, пожалуй, выглядит несколько чрезмерно осторожным. Деятельность и поведение Сталина в последние годы не представили всё его предыдущее прошлое в каком-либо новом свете, а лишь придали ещё большую резкость той картине, которую я нарисовал в заключительных страницах книги, предвосхищая так называемую десталинизацию.

Меня часто спрашивают, не вижу ли я оснований пересмотреть свои взгляды в свете «разоблачений», сделанных Хрущёвым, Микояном и другими на XX съезде партии в 1956 году и позднее.

По правде говоря, эти разоблачения не добавили ничего существенного к изложенному мною рассказу о возвышении Сталина, его отношениях с Лениным и другими большевистскими руководителями, его политике в межвоенный период, его действиях во время Большого террора, а также его роли во Второй мировой войне и в последовавшие за ней годы.

Обо всех этих решающих этапах карьеры Сталина моя биография содержит гораздо больше сведений, чем даже теперь доступно советскому читателю. К слову сказать, моя книга о Сталине по-прежнему запрещена в СССР, Китае и странах Восточной Европы.¹

¹ Возможно, однако, что мой рассказ об одном из эпизодов Большого террора — деле Тухачевского — нуждается в некотором пересмотре. Но если это так, то ни Хрущёв, ни его преемники не предоставили материалов, необходимых для такого пересмотра, несмотря на то что Тухачевский был реабилитирован и с него сняли обвинение в заговоре против Сталина в интересах Германии и в службе Гитлеру. В своём изложении этого дела я решительно отверг данное обвинение, однако привёл версию, исходившую из безусловно антисталинских источников, процитированных в примечании на с. 380.

Я также не склонен принимать все хрущёвские «разоблачения» за чистую монету. В частности, я не согласен с его утверждением, будто роль Сталина во Второй мировой войне была практически незначительной.

Это обвинение явно было призвано возвысить самого Хрущёва за счёт Сталина. Оно также не согласуется со свидетельствами многих заслуживающих доверия очевидцев — западных государственных деятелей и военачальников, не имевших причин преувеличивать роль Сталина, а также советских генералов, которые в последние годы писали об этом вопросе трезво и критически.²

Лишь одна сторона деятельности Сталина предстала для меня в более ясном свете благодаря хрущёвским разоблачениям. Речь идёт о масштабах, в которых Сталин, расправившись с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами, затем начал преследовать собственных приверженцев — сталинистов.

В новом разделе книги я анализирую последствия этого важного обстоятельства. Особенно сильно они проявились на заключительном этапе сталинского правления и в известной мере объясняют характер и стиль хрущёвской десталинизации.

Во всём остальном я не увидел причин менять своё изложение или толкование карьеры Сталина. Первоначальный текст книги воспроизводится здесь лишь с несколькими незначительными исправлениями и стилистическими поправками.

11 октября 1966 года

И. Д.

Согласно этой версии, Тухачевский действительно готовил переворот против Сталина, стремясь спасти армию и страну от безумного террора чисток.

Возможно, эта версия ошибочна. Но Хрущёв и его преемники не обнародовали ни одного документа и ни одного факта, которые пролили бы свет на это дело и позволили полностью отвергнуть антисталинские свидетельства, настаивавшие на реальности заговора.

² Подробный анализ хрущёвских разоблачений я дал в статье, опубликованной в 1956 году и позднее включённой в мою книгу *Иронии истории*, с. 3–17.

Из введения (1961)

Эту биографию я написал тринадцать или четырнадцать лет назад — скорее как книгу для широкого читателя, чем для специалиста. Я старался изложить в ней основные факты о Сталине и его карьере как можно яснее и по возможности без полемического задора.

Когда я только начинал обдумывать эту работу, общественность и печать в этой стране ещё не вполне оправились от военного преклонения перед Сталиным. А когда я вносил последние исправления, над Берлином уже гремели самолёты воздушного моста, и Сталин превратился в главного злодея холодной войны.

Думаю, эти резкие перемены политического климата не повлияли на моё изображение Сталина. Я никогда не был приверженцем сталинского культа, а холодная война не была моей войной.

И всё же вскоре после выхода книги один британский критик написал:

Подобно своему герою, книга оказалась в центре оживлённого, а временами и яростного спора... Ни одна биография последних лет не вызывала такого интереса и не порождала столь же страстного негодования и враждебности.

Следует, пожалуй, добавить, что большинство британских критиков встретили книгу непредвзято и великодушно. Однако «яростный спор» действительно продолжался многие годы, особенно за границей, по обе стороны Атлантики.

Книгу хвалили и порицали по совершенно противоположным причинам: одни видели в ней обличение сталинизма, другие — его оправдание, а иногда её одновременно называли и обличением, и апологией.

Покойный Моше Пияде, друг и соратник маршала Тито, однажды объяснил мне, почему правительство, членом которого он состоял, не разрешало издать *Сталина* в Югославии:

— Понимаете, — сказал он, — беда вашей книги в том, что, когда мы ссоримся с русскими, она оказывается для нас слишком просоветской, а когда пытаемся с ними дружить — слишком антисоветской.

А затем, лукаво улыбнувшись, добавил:

— Во всяком случае, мы не можем допустить югославского издания, потому что тогда все сразу увидят, из какого источника наши великие теоретики почерпнули большую часть своей мудрости.

Согласно старому золотому правилу портретной живописи, хорош тот портрет, который настолько полно передаёт сложность человеческого характера, что каждый зритель видит в нём иное лицо.

Возможно, в этом правиле и теперь есть доля истины. И если судить по нему, то мой *Сталин*, пожалуй, оказался не столь уж неудачным.

Почти каждый критик — враждебный или благожелательный — находил в этом портрете именно то, что хотел найти, и прочитывал в нём то, что желал прочитать.

Лишь немногие обращали внимание на всю сложность изображённого характера и на многослойность портрета, в котором Сталин анфас предстаёт наследником Ленина, а в профиль — наследником Ивана Грозного.

Признаю: в этой работе я стремился к старомодной объективности. Должен также признать, что она далась мне нелегко и что за неё пришлось бороться.

Ничего не было бы проще, чем написать обвинительную биографию Сталина.

Я выступал против сталинизма с начала 1930-х годов. Я осуждал жестокости насильственной коллективизации тогда, когда они ещё совершались, а не двадцать или двадцать пять лет спустя, как некоторые мои критики. По меньшей мере с 1931 года я сурово критиковал сталинскую политику, которая облегчила приход нацизма к власти. Я разоблачал массовый террор, чистки и московские процессы в то самое время, когда они проводились, — и так далее, и так далее.¹

Короче говоря, я был «преждевременным» антисталинистом. И если бы я решил просто переписать всё, что почти за два десятилетия написал против Сталина и сталинизма, получилась бы книга, которую никто не смог бы обвинить в апологии Сталина.

Однако я твёрдо решил не писать эту книгу по инерции.

Я захотел заново и критически взглянуть на давно знакомый мне предмет исследования.

Некоторые критики отмечали мой «холодный и безличный» подход к Сталину. Но работа над этой книгой стала для меня глубоко личным опытом, поводом для долгого внутреннего самоиспытания и критического пересмотра собственного политического прошлого.

Я принадлежал к тем, кого Сталин жестоко победил. И один из вопросов, которые я был обязан задать себе, состоял в том, почему он одержал победу.

Чтобы ответить на него, участник борьбы должен был превратиться в историка: бесстрастно исследовать причины и следствия, непредвзято рассмотреть мотивы противника и увидеть и признать его силу там, где она действительно существовала.

Политический борец не может позволить себе быть слишком скованным детерминистским взглядом на обстоятельства, в которых он действует. Хотя бы потому, что часть элементов этих обстоятельств и часть возможностей ещё неизвестны и даже не определились. Кроме того, он никогда не может заранее знать, какое воздействие окажет его собственное действие на данную ситуацию.

Историк, напротив, не может не быть детерминистом — или хотя бы вести себя как детерминист, даже если в действительности им не является.

¹ В последние годы сталинской эпохи неизвестные мне люди в Польше продолжали тайно размножать мою брошюру *Московский процесс*, опубликованную мною в Варшаве в 1936 году с целью разоблачить печально известный суд над Зиновьевым и Каменевым.

Они рисковали свободой и жизнью, а некоторые действительно были приговорены к многолетнему заключению. Я узнал об этом лишь недавно от председателя Верховного суда Польши, который в 1956 или 1957 году отменил эти приговоры.

Он не выполнил своей задачи до конца, если не показал, как причины и следствия тесно и естественно переплетаются в ткани событий, не оставляя пробелов; иными словами, если не продемонстрировал неизбежность рассматриваемого им исторического процесса.

Участник борьбы имеет дело с подвижными обстоятельствами: со всех сторон люди ещё сталкивают свои воли, собирают силы, применяют оружие, принимают решения или отменяют их.

Историк же имеет дело с уже застывшей и необратимой картиной событий: всё оружие уже отстреляно, все воли исчерпаны, все решения приняты, а необратимое приобрело облик неизбежного.

Именно такой исторический подход объясняет часто обсуждавшееся ощущение неизбежности, проходящее через всю книгу.

Как участник политической борьбы я отвергал многие поступки своего главного героя, которые как биограф показываю неизбежными.

Однако это противоречие скорее кажущееся, чем действительное. В обоих качествах я исходил из одних и тех же философских и политических предпосылок, но рассматривал их с разных и отчасти противоречащих друг другу точек зрения.

Возражения против моего метода были вполне очевидны.

Когда я опубликовал *Сталина*, не все описанные в книге обстоятельства уже успели отойти в историю и стать необратимыми.

Ещё можно было ожидать — как ожидали ведущие западные государственные деятели и обозреватели, — что, например, советская власть будет «отброшена» из Восточной Европы, что промышленное развитие Советского Союза остановится из-за краха плановой экономики и так далее.

Признавая необратимыми послевоенные революции в Восточной Европе, которые во время написания книги ещё продолжались, и принимая как данность дальнейший промышленный подъём СССР в тот момент, когда страна после войны всё ещё лежала наполовину в руинах, я, разумеется, вступал в область политических оценок и прогнозов, от которой многие историки предпочли бы уклониться.

Надеюсь, что спустя столько лет читатели простят мне этот проступок и, оценивая мои прямые и косвенные предсказания, задумаются над тем, выдержали ли они испытание временем.

Другое возражение, которое, возможно, ещё будет повторяться, состоит в том, что, изображая победы Сталина неизбежными, я тем самым оправдывал его деятельность.

Подобная критика подразумевает, что разумные люди всегда примиряются или должны примиряться с неизбежным.

Я этого не принимаю.

Некоторые из самых гордых мгновений человеческой истории наступали тогда, когда человек восставал против неизбежного. И сама эта борьба тоже была неизбежна.

Философ, утверждавший, что «всё действительное разумно», утверждал также, что «всё разумное действительно».

История разворачивается на разных уровнях действительности и необходимости — поверхностных и глубинных.

Поколение русских революционеров, погибшее в сопротивлении сталинскому самовластию, не в меньшей степени, чем сам Сталин, воплощало историческую необходимость — но необходимость иного рода.

Могу, пожалуй, напомнить критикам, что, показав «неизбежность сталинизма» и рассмотрев как его положительные, так и отрицательные стороны, я завершил своё исследование — почти за восемь лет до знаменитых хрущёвских разоблачений — следующим решительным предсказанием «неизбежности» десталинизации:

Истории, возможно, ещё предстоит столь же сурово очистить и переделать дело Сталина, как некогда она очистила и переделала наследие Английской революции после Кромвеля и Французской революции после Наполеона.²

В настоящем издании *Сталин* воспроизводится в первоначальном виде, без изменений.

Если бы я писал книгу заново, то, вероятно, изложил бы её в несколько ином стиле. Но как бы я теперь ни изменил отдельные детали или акценты, в целом, думаю, лучше оставить её такой, какова она есть.

То обстоятельство, что на протяжении стольких лет книга была предметом столь широкой и оживлённой полемики, вероятно, превратило первоначальный текст в своего рода исторический документ, в который даже автору уже не следует вмешиваться.

И в целом я по-прежнему придерживаюсь данного здесь толкования Сталина и сталинизма. Эта биография первоначально задумывалась как часть трилогии, которая должна была также включать жизнеописания Ленина и Троцкого.

² О том, как некоторые критики встретили этот прогноз, можно судить по следующему отрывку из пространной статьи Франца Боркенау о *Сталине*. Она была опубликована как специальный материал в периодических изданиях разных стран, выходивших под эгидой Конгресса за свободу культуры — *Der Monat*, *Preuves* и других:

Перспектива Дойчера совершенно ложна... Личность Наполеона можно было отделить от судьбы Франции, а достижения революции и наполеоновской эпохи действительно сохранились. Но более чем сомнительно, что судьбу России можно отделить от сталинизма, даже если Сталин когда-нибудь умрёт естественной смертью.

Внутренний закон сталинского террора столь же неотвратимо, хотя, возможно, и медленнее, чем закон нацистского террора толкал гитлеровскую Германию, ведёт сталинскую Россию к конфликту со всем миром и тем самым к полной катастрофе — не только террористического режима, но и управляемой им нации...

Опасность книги Дойчера заключается в том, что вместо этой мрачной и тревожной перспективы она предлагает другую — более нормальную и успокоительную. Согласно концепции Дойчера, ничего ужасного опасаться не следует, потому что главные ужасы уже остались в прошлом.

Этой концепции мы противопоставляем мнение, что революция XX века напоминает прежние революции только на начальной стадии, но затем вводит режим бесконечного террора, вечной вражды ко всему человеческому, ужасов, не имеющих внутреннего исцеления и способных быть устранёнными лишь железом и огнём.

Боркенау был ведущей фигурой школы мысли, которая более десяти лет, к сожалению, пользовалась чрезвычайным влиянием в западной «советологии».

Работа над трилогией продолжается. Однако уже вышли два тома исследования о Троцком — *Вооружённый пророк* и *Безоружный пророк*, а третий том вскоре должен быть завершён.³ Сам замысел подобной работы предполагает, что некоторые линии повествования и истолкования в одной части трилогии будут оставаться лишь наполовину развитыми, чтобы в другой части к ним можно было вернуться, расширить их и вывести на первый план. Поэтому, хотя *Сталин* представляет собой самостоятельное произведение, которое читали и по-прежнему могут читать независимо от остальных книг, знакомство с другими частями трилогии дало бы читателю гораздо более полное представление о предмете настоящего исследования.

И. Д.

24 апреля 1961 года

³ После написания этого введения был издан третий том — *Изгнанный пророк*.

Предисловие к первому изданию

Рассказ о жизни Сталина завершается несколько неопределённо — событиями 1945–1946 годов. В настоящее время биограф может довести повествование лишь до этого рубежа. Документальных свидетельств, на которых можно было бы построить описание роли Сталина в последние два-три года, пока не существует.

И всё же я надеюсь, что заключительные главы этой книги в какой-то мере проливают свет на Сталина в первые послевоенные годы.

Ещё совсем недавно было бы почти невозможно продолжить рассказ дальше 1938 или 1939 года. К счастью, недавно опубликованные официальные документы и военные мемуары западных министров и генералов облегчили мою задачу. Однако в России не вышло ничего сопоставимого — ни документов, ни воспоминаний о войне.

Писатель, пытающийся беспристрастно взвесить доводы за и против Сталина, с одной стороны, располагает свидетельствами господ Черчилля, Халла, Бирнса, *Документами Белого дома* Гарри Л. Гопкинса и другими материалами. С другой стороны, он почти ничего не находит, кроме нескольких приукрашенных фрагментов полуофициальных откровений, которые, как ни странно, содержатся в сценариях советских фильмов — например, в *Сталинградской битве* Вирты. До сих пор это был единственный канал, через который советские руководители предпочитали сообщать своему народу ничтожную часть внутренней истории тех великих лет.

Клио, муза истории, так и не была допущена в Кремль.

Поистине печален парадокс: народ, понёсший во Второй мировой войне самые тяжёлые и героические жертвы, знает меньше всех о её дипломатической, военной и политической подоплёке.

Западные авторы и мемуаристы, что вполне естественно, рассказывают о событиях со своих особых национальных и политических позиций. Надеюсь, пользуясь их свидетельствами, я в достаточной мере учитывал неизбежную пристрастность.

Однако само разнообразие взглядов и оценок в этих сочинениях помогает определить степень их относительной достоверности. И поразительно, насколько согласованными оказываются их свидетельства о решающих фактах и даже подробностях, имеющих значение для оценки роли Сталина.

Кроме того, я постарался хотя бы частично восполнить пробелы в документальных материалах, опираясь на личные впечатления и рассказы государственных деятелей, дипломатов и политиков различных национальностей и противоположных политических взглядов, которым в тот или иной период их деятельности доводилось соприкасаться со Сталиным.

Я с благодарностью признаю свой долг перед этими людьми, хотя не могу назвать их имён. Я не считаю необходимым извиняться за то, что называю эту работу политической биографией. Признаю: меня больше интересует политическая деятельность общественных деятелей, чем их частная жизнь.

Но независимо от моих склонностей рассказать о личной жизни Сталина практически невозможно, поскольку до сих пор обнаружено лишь одно его частное письмо — в конфискованной книге его невестки А. С. Аллилуевой.¹

Почти все биографы, пытавшиеся проникнуть в эту сторону жизни Сталина, либо не могли сообщить ничего действительно интересного, либо вынуждены были довольствоваться непроверяемыми слухами.

Не стал исключением даже такой проницательный наблюдатель и выдающийся писатель, как Троцкий, почти десять лет заседавший вместе со Сталиным в Политбюро.

Что касается раннего и среднего периодов карьеры Сталина, то биографу мешала не скудость документальных свидетельств, а, напротив, их изобилие и противоречивость.

История жизни Сталина напоминает огромный палимпсест, на котором один поверх другого нанесены многочисленные тексты. Каждый относится к иной эпохе, написан другой рукой и предлагает собственную версию событий.

Даже тексты, написанные самим Сталиным, вопиюще противоречат друг другу.

Надеюсь, читатель найдёт в этой книге объяснение столь странного обстоятельства.

Более двадцати лет я наблюдал за тем, как создавался этот палимпсест. Теперь я заново изучил его — слой за слоем, текст за текстом, — сопоставляя, проверяя и перепроверяя противоречивые версии.

В этой книге изложены результаты моей работы.

Я старался не перегружать повествование подробным описанием сложных процедур сравнительного анализа, с помощью которых пришёл к своим выводам. Уверен, что это утомило бы читателя сверх всякой меры.

Однако исследователи и специалисты найдут необходимые указания в моих примечаниях, где ссылки на источники, враждебные Сталину и благожелательные к нему, нередко приводятся рядом.

Эта книга задумана как первая часть биографической трилогии, которую должны продолжить и завершить *Жизнь Ленина* и исследование о Троцком в изгнании.

Основное исследование большевизма до 1917 года, а также история таких идей, как диктатура пролетариата, Советы, «пролетарский авангард» и другие, должны занять своё место в биографии Ленина.

В настоящем томе возникновение и развитие этих идей намечены лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания главного героя.

Большая часть книги *Сталин*, разумеется, посвящена судьбе большевизма после революции и Гражданской войны.

Я с благодарностью признаю свой долг перед друзьями и коллегами.

¹ Это письмо цитируется на странице 128. Разумеется, нельзя считать частными те немногие письма, которые за последние два года впервые были опубликованы в сталинских *Сочинениях*: как правило, они были написаны им в служебном качестве.

Особую благодарность я выражаю господину Дональду Тайерману и мисс Барбаре Уорд за неизменную дружескую поддержку и советы; профессору Э. Х. Карру — за профессиональные критические замечания; господину Д. М. Дэвину и сотрудникам редакции издательства Оксфордского университета — за их бесконечно терпеливую работу над моей рукописью и чрезвычайно ценные стилистические рекомендации.

Господин Джон Кимхи любезно помог мне с книгами и документами.

Однако ответственность за высказанные в книге взгляды и за все её недостатки несу только я.

Больше всего я обязан своей жене. Без её преданной помощи эта работа была бы невозможна, а её критическая проницательность участвовала в формировании каждого абзаца книги.

Глава 1 Детство и юность

Родители Сталина: Виссарион Джугашвили и Екатерина Геладзе. — Рождение в 1879 году, детство и школьные годы Иосифа Джугашвили, будущего Сталина, в грузинском городе Гори на Кавказе. — Влияние грузинского фольклора. — Русские и грузины. — Сталин в Тифлисской духовной семинарии в 1894–1899 годах. — Борьба грузин против русификации. — В 1895 году Сталин под именем «Сосело» — «маленький Сосо» — публикует стихи. — Тайное чтение запрещённой литературы. — В 1898 году вступает в «Месаме-даси» — «Третью группу». — Промышленный подъём и рабочее движение на Кавказе. — Первые шаги Сталина как социалистического пропагандиста. — Исключение из семинарии. — Следы крепостничества.

Возможно, в 1875 году, а может быть, годом или двумя ранее молодой кавказец Виссарион Иванович Джугашвили покинул село Диди-Лило неподалёку от Тифлиса, столицы Кавказа, и поселился в небольшом грузинском уездном городе Гори. Там он открыл маленькую сапожную мастерскую.

Виссарион Джугашвили был сыном грузинских крестьян, которые ещё десятью годами ранее оставались крепостными. Он и сам родился собственностью одного из грузинских помещиков. Останься он крепостным до конца жизни, ему никогда не позволили бы покинуть родную деревню и стать самостоятельным ремесленником.

Разумеется, никто из его предков не мог сделать ничего подобного. Они были прикреплены к земле и в лучшем случае могли лишь перейти из рук одного помещика в руки другого. Даже в годы детства Виссариона грузинские газеты всё ещё печатали объявления, в которых помещики предлагали продать или купить, например, «пятьсот или тысячу десятин земли с пятьюдесятью или ста пятьюдесятью душами».

Торговля крепостными часто сопровождалась мошенничеством. В архивах грузинских судов сохранились дела, в которых одну и ту же крестьянскую семью одновременно продавали трём и более покупателям.¹

Можно предположить, что Виссарион покидал свою деревню в радостном и полном надежд настроении. Он стал свободным человеком и теперь рассчитывал добиться некоторого благополучия как самостоятельный ремесленник.

В Гори он женился на девушке столь же скромного происхождения — Екатерине, дочери крепостного крестьянина Георгия Геладзе из села Гамбареули. Подобно многим дочерям бедных крестьян, она, возможно, перебралась в город и поступила прислугой в армянскую или русскую семью среднего достатка.

Средний класс на Кавказе состоял преимущественно из русских, армян и евреев. Грузинской буржуазии тогда почти не существовало: грузины принадлежали либо к дворянству, либо к крепостным крестьянам.

¹ Ф. Махарадзе, «Грузия в XIX веке», в сборнике *Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов*, т. 1, с. 488.

Когда Екатерина вышла замуж за Виссариона Джугашвили, ей было всего пятнадцать лет. Ранние браки не были редкостью в стране, где люди созревали так же быстро, как виноград под полусубтропическим солнцем.

Супруги сняли бедное жилище на окраине Гори за полтора рубля — примерно два шиллинга — в месяц. Оно состояло лишь из кухни и ещё одной комнаты. Площадь этой комнаты была около четырех квадратных метров. В ней царил полумрак, поскольку через единственное маленькое окно проникало мало света.

Дверь выходила прямо в унылый двор. В дождливые дни оттуда внутрь затекали вода и грязь: пол находился на одном уровне с двором, и ступеней перед входом не было. Пол был выложен голым кирпичом, а вся мебель семьи состояла из маленького стола, табурета, дивана и дощатой кровати, покрытой соломенным тюфяком.²

Теперь жилище Джугашвили превращено в музей, который показывают толпам туристов. Там же выставлена крошечная мастерская Виссариона Джугашвили со старым расшатанным стулом, молотком и сапожными колодками.

Именно в этом тёмном жилище за полтора рубля Екатерина в период с 1875 по 1878 год родила троих детей. Все они умерли вскоре после рождения.

Екатерине не исполнилось ещё и двадцати, когда 21 декабря 1879 года она родила четвёртого ребёнка. По прихоти судьбы этому ребёнку предстояло вырасти здоровым, жилистым и своевольным мальчиком.

При крещении ему дали имя Иосиф. Так местный православный священник, выполнявший обязанности регистратора, засвидетельствовал появление на свет Иосифа Виссарионовича Джугашвили, которому впоследствии предстояло прославиться под именем Иосифа Сталина.

О его раннем детстве известно очень мало.

В шесть или семь лет он заболел оспой, после которой на его лице навсегда остались отметины. Второй раз он тяжело заболел, когда язва на левой руке вызвала заражение крови. Позднее он вспоминал, что находился при смерти.

— Не знаю, — рассказывал он своей свояченице А. С. Аллилуевой, — что тогда меня спасло: крепкий организм или мазь деревенского знахаря.

После выздоровления он уже не мог свободно сгибать левую руку в локте. Из-за этого небольшого физического недостатка будущего генералиссимуса в 1916 году признали непригодным к военной службе.³ Он рос среди нищеты и убожества, в которых родился.

Виссарион Джугашвили попытался подняться до уровня мелкой буржуазии, но потерпел неудачу. Сапожное ремесло не приносило ему достаточного заработка, и поэтому его жене

² Е. Ярославский, *Основные вехи жизни Сталина*, с. 7.

³ А. С. Аллилуева, *Воспоминания*, с. 167.

«приходилось трудиться день и ночь, чтобы сводить концы с концами... и наниматься на работу прачкой».⁴

Даже полуторарублёвую квартирную плату она вносила из собственных заработков.

На этом основании некоторые биографы Сталина делают вывод, что Виссарион Джугашвили пропивал свой скудный заработок. В воспоминаниях школьных товарищей Сталина имеются некоторые подтверждения такому предположению.⁵

Пьянство действительно было чем-то вроде профессиональной болезни сапожников. Выражение «пьян как сапожник» встречается во многих языках Восточной Европы.

Кроме того, утверждается, что Виссарион жестоко обращался с женой и сыном.

«Незаслуженные и страшные побои, — пишет Иремашвили, друг детства Сталина, — сделали мальчика таким же мрачным и бессердечным, каким был его отец».

Защитой от отцовской жестокости служили ему недоверие, настороженность, уклончивость, притворство и выносливость. Жизнь с ранних лет научила его некоторым уловкам и приёмам борьбы, которые позднее емугодились.

Возможно, однако, что портрет пьяницы и домашнего тирана не вполне справедлив к Виссариону Джугашвили.

Несомненно, у него были и лучшие качества: предприимчивость и любознательность. Иначе он, сын крепостных, едва ли сменил бы сонную жизнь родной деревни на неопределённость городского существования.

В Восточной Европе образ «сапожника-философа» столь же распространён, как и образ «пьяного сапожника». Оба выражения передают профессиональные склонности, которые нередко сочетались в одном человеке.

Вероятно, именно от отца Сталин унаследовал склонность к размышлению. Сам он невольно оставил нам ключ к пониманию внутреннего конфликта, который сделал Виссариона угрюмым, озлобленным и жестоким по отношению к семье.

Потерпев неудачу как самостоятельный ремесленник, Виссарион покинул Гори и семью и отправился в Тифлис, где стал рабочим на обувной фабрике Адельханова.

По-видимому, новое положение унижало его. Он мечтал быть сам себе хозяином, а теперь сменил крепостное рабство на наёмное. Он сопротивлялся своей участи, пока мог, хотя уже перестал быть кормильцем семьи.

Вероятно, отсюда и происходили его раздражительность и вспышки гнева.

В одной из ранних брошюр Сталин пояснял положение марксистской теории на примере собственного отца:

Представьте себе сапожника, у которого имелась маленькая мастерская, но который не выдержал конкуренции с крупными предприятиями. Этот сапожник закрыл мастерскую и нанялся, допустим, к Адельханову на Тифлисскую обувную фабрику. Он пришёл на фабрику Адельханова не для того, чтобы навсегда остаться рабочим, а чтобы накопить немного денег, сколотить небольшой капитал и снова открыть собственную мастерскую.

⁴Е. Ярославский, указ. соч., с. 7.

⁵Л. Троцкий, *Сталин*, с. 6–7.

Как видите, положение этого сапожника уже пролетарское, но сознание у него ещё не пролетарское, а насквозь мелкобуржуазное.⁶

Не может быть сомнений в том, какой именно сапожник послужил автору примером для этого рассуждения. Маленькая мастерская, неудача в ремесле и даже имя владельца фабрики — всё это принадлежало биографии Виссариона.

Его характер искривило противоречие между общественным положением и «мелкобуржуазными» стремлениями.

Виссариону так и не удалось «скопить небольшой капитал» и снова открыть свою мастерскую. Он умер в Тифлисе в 1890 году, когда сыну было одиннадцать лет.

Вероятно, его смерть почти не изменила материального положения семьи, поскольку овдовевшая прачка уже давно привыкла сама зарабатывать на жизнь себе и сыну.

Позднее образ умершего отца в памяти Иосифа потускнел. Он почти никогда о нём не говорил. Возможно, именно воспоминания о «бессердечных побоях» объясняют крайнюю сдержанность самого Сталина и его официальных биографов, когда речь заходила о Виссарионе.⁷

О Екатерине Джугашвили известно гораздо больше. Она мало чем отличалась от огромного множества своих современниц, о которых русский поэт сказал:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Екатерина обладала безграничным терпением и покорностью восточной крестьянки. Она мужественно переносила свою участь и не держала зла на мужа.

Всю свою нежность она отдавала единственному выжившему сыну.

Она была глубоко религиозна и находила единственное утешение в церковной вере. Кроме того, она была неграмотна. Читать она научилась лишь в старости, словно стараясь таким образом оказаться достойной своего знаменитого сына.

Все знавшие её восхищались её «тихим, сдержанным достоинством, которое приходит к человеку после долгой жизни, проведённой в заботах, горечь которых не сумела искривить его характер».⁸

Бабушка Кеке — бабушка Катя — оставалась скромной крестьянкой даже после возвышения сына.

⁶ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 314–315.

⁷ В воспоминаниях Аллилуевых, содержащих немало сведений о личной жизни Сталина и его матери, отец Сталина ни разу не упоминается.

⁸ А. С. Аллилуева, *Воспоминания*, с. 81

Какое-то время она жила с ним в Кремле, но тосковала по знакомой обстановке солнечного Кавказа и вскоре вернулась туда.

И всё же она по-своему — одновременно трогательно и немного комично — пыталась соответствовать роли матери великого человека.

Аллилуева рассказывает, как однажды встретила старую госпожу Джугашвили в кавказском курортном городе Боржоми. Несмотря на нестерпимую жару, та была тяжело и торжественно одета во всё чёрное. Когда её спросили, зачем она так неудобно оделась, старушка ответила:

— Приходится... Разве ты не видишь? Здесь все знают, кто я.⁹

Решение Екатерины отправить девятилетнего сына в духовное училище в Гори было поистине героическим.

Детей бедняков нередко в таком возрасте отдавали в ученики сапожникам или плотникам. Но Екатерина желала сыну иной судьбы, хотя его заработок мог бы облегчить её собственную жизнь.

Она хотела, чтобы её Сосо¹⁰ преуспел там, где Виссарион потерпел неудачу, и поднялся выше скромного положения родителей.

В самых смелых мечтах она, вероятно, видела его приходским священником, которого почтительно приветствуют соседи.

Перспектива была ослепительной: ведь ещё всего несколькими годами ранее духовные школы оставались закрытыми для крестьянских детей.

Сосо учился в Горийском училище пять лет — с 1888 по 1893 год.

Он был одним из лучших, а порой и самым лучшим учеником в классе.

Учителя и товарищи быстро заметили, что у бедного, изуродованного оспой мальчика необычайная память и что уроки он усваивает почти без усилий.

Они также замечали в нём склонность к самоутверждению, желание превзойти остальных. Это стремление становилось всё сильнее по мере того, как Сосо осознавал, что большинство его одноклассников происходили из более обеспеченных семей и некоторые из них, также сознавая разницу, смотрели на него свысока.

Однако в классе преимущество было на его стороне: он легче отвечал уроки, чем избалованные сыновья торговцев вином или зерном.

А во дворе он настолько превосходил их ловкостью и отвагой, что они позволяли сыну сапожника командовать собой и отдавать им распоряжения.

Именно в этой безвестной приходской школе будущий Сталин впервые ощутил классовые различия и классовую ненависть.

Там же он впервые столкнулся с проблемой, которая в зрелые годы постоянно занимала его, — с проблемой национальных меньшинств.

Родным языком семьи Джугашвили был грузинский. Екатерина совсем не знала русского, да и её муж, вероятно, владел им лишь в самой незначительной степени.

⁹ Там же, с. 82.

¹⁰ Сосо — грузинская форма имени Иосиф. Сосело — ещё более уменьшительная форма.

Большинство предметов в школе преподавалось по-русски. Учебный план предусматривал лишь несколько уроков грузинского языка в неделю.

Сосо с естественной для ребёнка лёгкостью усваивал чужой язык. Но вне школы и дома продолжал говорить по-грузински.

Родным языком некоторых его товарищей мог быть армянский, турецкий или один из кавказских диалектов.

В школе все местные языки заставляли молчать, и безраздельно господствовал русский.

Государственная политика русификации вызывала озлобление. Даже мальчики младшего подросткового возраста устраивали школьные забастовки и другие выступления в защиту родного языка.

В 1870-е годы школьные беспорядки в Грузии происходили часто: на русских учителей нападали, их избивали, а ученики поджигали школы.¹¹

В годы учёбы Джугашвили в Гори подобных волнений не было, но скрытого недовольства, несомненно, хватало.

В числе ранних влияний на его жизнь были природа, предания и фольклор родного города. Гори расположен в месте, где сходятся три богатые пшеницей и виноградом плодородные долины.

Скалы за городской чертой, берега Куры и двух других рек, древняя византийская крепость и поля, вклинивавшиеся в извилистые улочки Гори — города, ещё наполовину остававшегося деревней, — давали мальчику простор для игр и позволяли хотя бы ненадолго забыть об унылой тесноте родительского дома.

Сама природа в какой-то мере вознаграждала юного обитателя трущобы за тесноту и духоту жилища.

Окрестности были богаты животными, птицами, растениями и плодами. Недаром считалось, что именно здесь находилась страна золотого руна.

Здоровая природная среда способствовала крепкому физическому сложению будущего Сталина.

Край славился также романтическими преданиями и легендами.

Здесь сражались Александр Македонский и Чингисхан. В школьных книгах рассказывалось о персидских и турецких вторжениях.

Народные песни и предания повествовали о знаменитых кавказских разбойниках.

В фольклоре они нередко представляли национальными или народными героями: грузинскими дворянами, боровшимися против русских царей, предводителями крепостных, народными мстителями, великодушными к бедным и угнетённым и исполненными хитрой ненависти к богатым.

Они скрывались среди заснеженных вершин и в горных пещерах, откуда внезапно спускались к дорогам, чтобы ловить и уничтожать врагов.

Весь этот фольклор был не так уж далёк от действительности.

¹¹ *История классовой борьбы в Закавказье*, т. 1, приложение, с. 89–90.

Окрестности Гори и в те времена кишели разбойниками.

Вокруг жило множество обедневших мелких грузинских дворян без определённого общественного положения и постоянного дохода, но мысленно всё ещё принадлежавших исчезающему миру кланов и кровной вражды.

Они нередко предпринимали причудливые набеги друг на друга или на людей, которые случайно задевали их гордость либо каким-нибудь иным образом вызывали их неприязнь.

После этого весь край наполнялся рассказами о налётах и подвигах, граничивших с бандитизмом, но всё же не лишённых романтического очарования.

Эти местные Робин Гуды служили примером, которому мальчики, игравшие в разбойников среди скал и полей Гори, несомненно, стремились подражать.

Таким образом, пять школьных лет в Гори не были для юного Джугашвили совершенно несчастными.

Но уже тогда в нём начинало складываться понимание общественного и национального неравенства, которому позднее предстояло превратить его в бунтаря и революционера.

Невозможно точно определить, насколько глубоким было это понимание.

Официальные советские биографы и мемуаристы утверждают, что уже в Гори их герой прочитал Дарвина и стал атеистом.

Сомнительно, что в столь раннем возрасте он мог прочитать самого Дарвина. Но он мог получить смутное представление о новой теории из популярных изложений, и его ум мог начать отворачиваться от религии.

Факт его раннего умственного развития не вызывает сомнений: в 1895 году, всего через год после окончания Горийского училища, он уже публиковал стихи в одном из ведущих грузинских периодических изданий.

Вероятно, писать стихи он начал ещё в Гори.

Официальные биографы также заявляют, что именно там он впервые познакомился с марксистскими идеями.

Это представляется крайне маловероятным.

К тому времени марксизм приобрёл лишь немногочисленных сторонников даже в Тифлисе, столице Закавказья, и его влияние едва ли успело проникнуть в Горийское училище.¹²

Апологеты Сталина слишком охотно переносят его «марксистско-ленинскую» ортодоксальность едва ли не в детство.

Последующие события позволяют выдвинуть лишь следующую гипотезу: молодой Джугашвили покинул Горийское училище с некоторым бунтарским настроением, в котором протест против общественной несправедливости сочетался с полуромантическим грузинским патриотизмом.

В старших классах ностальгический национализм грузинской поэзии производил на него гораздо более сильное впечатление, чем любые социологические идеи.

¹² Л. Берия. *К истории большевистских организаций в Закавказье*. С. 11;

Ф. Махарадзе. *История рабочего движения в Грузии*. С. 114–128;

С. Т. Аркомед. *Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе*. С. 49–50.

«В старших классах Горийского училища, — пишет его школьный товарищ Вано Кецховели, — мы познакомились с грузинской литературой, но у нас не было наставника, который направлял бы наше развитие и придавал нашим мыслям определённое направление. Поэма Чавчавадзе “Разбойник Како” произвела на нас глубокое впечатление. Герои Казбеги пробуждали в наших юных сердцах любовь к родине, и каждый из нас, покидая школу, горел желанием служить своей стране. Но никто не представлял себе ясно, в какой форме должно было выражаться это служение».¹³

Поскольку Джугашвили тщательно скрывал бунтарские настроения от учителей, они считали его образцовым учеником и помогли ему сделать следующий шаг в жизни.

Этим шагом стало поступление осенью 1894 года в Тифлисскую духовную семинарию.

Мечта матери, казалось, начинала сбываться.

Бедная прачка не могла содержать сына в семинарии, но директор Горийского училища и местный священник сумели добиться для него стипендии.

Перед способным мальчиком открывалась обнадеживающая перспектива.

Уже один переезд из небольшого сонного уездного города в огромную и беспокойную столицу Кавказа должен был ошеломить его.

В пятнадцать лет он был достаточно зрел, чтобы понять преимущества нового положения — преимущества, которые совсем недавно оставались недостижимыми для крестьянских детей.

Вероятно, сорок миль до Тифлиса он проехал с волнующим ощущением собственного общественного возвышения, гораздо более реального, чем то, которое двадцатью годами ранее увлекло его отца из Диди-Лило в Гори.

Пребывание в духовной семинарии продолжалось с октября 1894 до мая 1899 года.

Для его умственного развития это были решающие годы формирования личности.

Какие более широкие влияния теперь должны были определить направление его мысли?

В последнее десятилетие XIX века грузинское общество волновали две проблемы: отношения между Грузией и Россией и последствия отмены крепостного права на Кавказе. На протяжении всего столетия царская Россия завоёвывала Кавказ и укрепляла там свою власть.

Грузия, с 1783 года находившаяся в вассальной зависимости от России, окончательно утратила независимость.

В некоторых отношениях судьба грузин напоминала судьбу поляков.

Но поляки в каждом поколении поднимали вооружённые восстания за независимость, тогда как грузины не предпринимали серьёзных попыток отделиться от России.

¹³ Е. Ярославский. *Процитированное сочинение*. С. 9–10.

Антирусские настроения сочетались у них с относительным равнодушием к национальным устремлениям.

Недовольство Россией смягчалось пониманием того, что Грузия в любом случае не сможет сохранить независимость и что из всех возможных завоевателей Россия представляла наименьшую угрозу.

Последние грузинские цари подчинились русскому государю, когда Турция и Персия начали угрожать завоеванием страны.

Выбор определялся религией: Грузия, как и Россия, принадлежала к православному миру.¹⁴

В глазах России Кавказ был военным плацдармом против Османской империи, уступавшим по значению лишь придунайским землям.

Россия построила знаменитую Военно-Грузинскую дорогу, а затем сеть кавказских железных дорог, тем самым способствуя промышленному развитию края.

Это было одним из положительных последствий русского господства.

Другим стало культурное влияние России на Грузию.

Хотя грузины гордились своей древней цивилизацией, намного более старой, чем русская, их мировоззрение оставалось мировоззрением восточного общества, наполовину племенного и наполовину феодального.

По отношению к Грузии Россия представляла Европу.

«Под влиянием западноевропейской и особенно русской цивилизации, — пишет историк Г. Хачапуридзе, — европейские обычаи и нравы проникли в жизнь высших слоёв грузинского общества».¹⁵

Политика царей была полна противоречий.

С одной стороны, они стремились русифицировать страну. С другой — старались заручиться верностью грузинского дворянства и духовенства.

Представителей последних грузинских династий ссылали в центральную Россию или Сибирь, но сыновьям свергнутых царей позволяли вести важную культурную деятельность во благо своего народа — из Петербурга.

Некоторые из них, например братья Багратиони, стали выразителями грузинского Просвещения, переводили на грузинский язык многие произведения европейской литературы и знакомили русское общество с историей и культурой Грузии.

Николай I даже назначил Теймураза Багратиони почётным членом Императорской академии.

¹⁴ В 1899 году Илья Чавчавадзе, крупнейший грузинский писатель и виднейший либеральный деятель национального движения, так подвёл итог столетнему русскому господству:

Иного выхода не было. Георгий XII, последний царь Восточной Грузии, должен был ради спасения страны опереться либо на Турцию, либо на Иран, либо на Россию... Выбор следовало сделать быстро. Естественно, Георгий обратился к единой России. К этому его побуждала и воля предков, которые ещё с 1491 года неоднократно вели переговоры с Россией, надеясь заручиться её поддержкой.

Цит. по статье Г. Хачапуридзе «Грузия и Россия в XIX веке», Вопросы истории, № 5–6, 1946.

¹⁵ Там же

Параллельно с этими влияниями на Кавказ проникали русские революционные идеи. Завоевателем края для царской власти был генерал Ермолов, герой Бородинской битвы 1812 года.

Этот «кавказский проконсул» проявлял известную склонность к декабристам — руководителям либерального восстания, вспыхнувшего в Петербурге в декабре 1825 года. Он предоставлял убежище великим писателям, связанным с восставшими: Пушкину, Грибоедову, который был его министром и политическим советником, Бестужеву-Марлинскому и другим.

На Кавказ сослали целый полк, участвовавший в восстании. Многие разжалованные офицеры-интеллигенты служили там рядовыми.

Ссылные поддерживали связь с немногочисленными образованными грузинами и оказывали на них сильное влияние.

Они, разумеется, сочувствовали грузинскому патриотизму и, будучи более передовыми, чем их грузинские друзья, выступали за освобождение грузинских крестьян.

Эти ранние контакты подготовили почву для непрерывного воздействия русских либеральных и революционных идей.

Цари сами, хотя и невольно, в значительной степени способствовали этому, избрав Кавказ одним из мест ссылки политических преступников.

В каждом новом поколении в Тифлисе, Кутаиси и других городах края появлялись новые русские революционеры и новые идеи.

Военных мятежников и писателей начала века сменили народники — аграрные социалисты из среды русского дворянства и чиновничества.

За ними последовали польские повстанцы и русские террористы.

А к концу столетия появился совершенно новый тип революционера — рабочий-марксист, высланный из центральной России.

Среди них были Михаил Калинин, будущий председатель советского государства, и Серго Аллилуев, большевистский организатор и будущий тесть Джугашвили-Сталина.

Пока русская оппозиция экспортировала на Кавказ передовые идеи, цари всеми силами старались сохранять общественное устройство края настолько отсталым, насколько это допускали стратегические интересы.¹⁶

В России крепостное право отменили в 1861 году.

¹⁶ Насколько трудно провести границу между благотворным и пагубным влиянием России на Грузию, показывает один эпизод, произошедший на съезде советских историков в 1929 году и не лишённый своеобразного комизма.

Известный грузинский марксист Ф. Махарадзе выступил с докладом, в котором с особым вниманием остановился на положительных сторонах союза Грузии с Россией. Это вызвало возражение профессора Покровского, считавшегося тогда ведущим русским историком:

Товарищ Махарадзе проявил к нам, русским, слишком большое снисхождение. В прошлом мы, русские, — а я говорю как великоросс самой чистой крови, — были самыми безжалостными грабителями, каких только можно себе представить.

Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 1, с. 494–495.

Освобождение грузинских крестьян отложили до 1864–1869 годов. Но и после этого, фактически вплоть до 1912 года, крепостничество продолжало существовать в Грузии в форме «временнообязанного состояния».

Русская администрация, стремившаяся сохранить поддержку грузинского дворянства, откладывала реформу.

Заняться ею пришлось лишь после того, как известия об освобождении русских крестьян проникли в кавказскую деревню.

Крепостные находились в мятежном настроении, и, учитывая долгую историю крестьянских восстаний, дальнейшая отсрочка их освобождения становилась слишком опасной.¹⁷

Однако грузинская реформа оказалась для помещиков гораздо выгоднее, чем даже русская. Крестьяне получили личную свободу, но у них отняли примерно половину земли, которой они пользовались в крепостном состоянии.

За землю, которую им позволили сохранить, они должны были выплатить помещикам выкуп, совершенно не соответствовавший их возможностям.

Экономическая зависимость крестьян от помещиков вскоре приняла форму издольщины, подобно тому как это произошло на американском Юге после отмены рабства, или соглашений о «временнообязанном состоянии».

Ещё в 1911 году орган, который никак нельзя было обвинить во враждебности к царизму, писал:

В России крепостное рабство теперь вспоминается как кошмар, давно отошедший в историю. Но в Закавказье, особенно в Грузии, до сих пор не принят закон, прекращающий временнообязанное состояние... Экономическая зависимость наших крестьян... за последние пятьдесят лет усилилась и приняла новую форму крепостничества.¹⁸

Таким образом, крепостничество пронизывало всю атмосферу, в которой жил молодой Джугашвили.

Оно тяжело давило не только на непосредственно зависимых крестьян, но и вообще на человеческие отношения — на семью, церковь и школу, на психологию людей, на весь образ жизни.¹⁹

В известной мере это, конечно, относилось ко всей Российской империи.

¹⁷ Крестьянские восстания вспыхивали в Грузии в 1804, 1811, 1812, 1820, 1830, 1837, 1841, 1857 и 1866 годах. Во время Крымской войны русское командование с большой тревогой следило за настроениями кавказских крепостных. Утверждалось, что британский представитель в Трапезунде снабжает их оружием для восстания. См.: П. И. Лященко, *История народного хозяйства СССР*, т. 1, с. 557; Ф. Махарадзе, в кн.: *Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов*, т. 1, с. 485 и далее; Г. В. Хачапуридзе, «Крестьянское движение в Грузии», в кн.: *Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии*, с. 13–105

¹⁸ Цитируется журнал *Кавказское хозяйство* — орган Императорского сельскохозяйственного института. См.: *История классовой борьбы в Закавказье*, т. 1, с. 10–15.

¹⁹ Грузинский поэт Г. Леонидзе, написавший хвалебную эпическую поэму о детстве и юности Сталина, утверждает, что дед Сталина, бывший крепостным, был замучен помещиком до смерти. Поэма была переведена на русский язык Н. Тихоновым и издана отдельной книгой в 1944 году

Сравнивая отмену крепостного права в России с освобождением американских чернокожих, Ленин указывал, что русская реформа 1861 года оказалась гораздо менее последовательной, чем американская:

«Поэтому теперь, полвека спустя, — заключал он, — у русских осталось гораздо больше следов рабства, чем у негров».²⁰

В этом горьком замечании Ленин, несомненно, преувеличивал.

Подобное преувеличение было естественно для революционного пропагандиста, которому не терпелось увидеть, как русское общество раз и навсегда сбрасывает наследие феодального прошлого.

Но то, что не вполне соответствовало действительности применительно к русским, по-прежнему было верно применительно к народам Кавказа.

Их общественное существование действительно сохраняло слишком многочисленные и слишком свежие «следы рабства».

Грубая и открытая зависимость человека от человека, жёсткая, ничем не скрытая общественная иерархия, первобытное насилие и отсутствие человеческого достоинства определяли образ жизни, выросший из крепостничества.

Притворство, обман и насилие были главным оружием угнетённых, которых держали во тьме и которые, как правило, не умели защищать себя открытыми и организованными действиями.

Тифлисская духовная семинария представляла собой странное учреждение.

Она была важнейшим, хотя и не единственным высшим учебным заведением Грузии и всего Кавказа.

Именно там главным образом воспитывалась местная интеллигенция.

Одновременно семинария была чем-то вроде духовного заповедника крепостничества.

Именно сюда наиболее непосредственно проникали передовые общественные и политические идеи, вступая в столкновение с феодально-церковным образом мышления.

Внешне семинария напоминала казарму.

Внутри жизнь строго регламентировали суровые монахи.

Как только за учеником закрывались двери семинарии, от него ожидали полного разрыва с внешним миром.

Семинаристы должны были круглые сутки оставаться в здании, хотя, обратившись к монаху, заведовавшему классом, можно было получить разрешение выйти на два часа.

Весь день заполняли лекции по схоластическому богословию и молитвы — бесконечные молитвы.²¹

Ученики из бедных семей жили впроголодь. В одной спальне размещали от двадцати до тридцати человек.

В духовном отношении школа была наполовину монастырём, наполовину казармой.

²⁰В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 18, с. 508.

²¹ «Ученикам задавали сочинения на такие темы, как: “На каком языке говорила Валаамова ослица?”» — утверждает один из биографов Сталина.

«Жизнь была печальной и однообразной, — вспоминает бывший ученик. — Запертые день и ночь в казарменных стенах, мы чувствовали себя заключёнными, которым предстояло провести здесь годы, не совершив никакого преступления. Все мы были подавлены и угрюмы. Задыхаясь в комнатах и коридорах... юношеская радость почти никогда не давала о себе знать. Когда же время от времени юношеский темперамент всё-таки прорывался наружу, его немедленно подавляли монахи и надзиратели».²²

Ученикам запрещалось брать книги в светских библиотеках. Читать можно было лишь литературу, разрешённую монахами.

Разумеется, семинария служила также орудием русификации.

За любое нарушение правил учеников сажали в карцер.

Монахи усердно следили за мыслями и поступками воспитанников, обыскивали их вещи, подслушивали разговоры и при малейшем подозрении доносили ректору.

Однако эта мрачная семинария была также важным центром политической оппозиции.

В её стенах провели годы формирования многие люди, которым предстояло стать общенациональными деятелями и руководителями общественного мнения — не только грузинского, но и русского.

В 1930 году исторический факультет Закавказского коммунистического университета опубликовал архивы Тифлиского жандармского управления с донесениями о проявлениях «политической неблагонадёжности» в семинарии.

Эти донесения охватывают двадцатилетний период — с 1873 года до поступления Джугашвили — и позволяют хорошо понять идейное брожение среди учащихся.²³

Уже в 1873 году полковник жандармерии сообщал начальству, что из перехваченных писем видно: некоторые семинаристы читали труды Дарвина, Бокля, Милля и Чернышевского.

Был произведён обыск, и обнаружались ещё две «крамольные» книги: *Жизнь Иисуса* Ренана и *Наполеон Малый* Гюго.

Выяснилось, что трое преподавателей читали лекции «в либеральном духе».

За это преступление ректор уволил их и донёс о них жандармерии.

Несколько учеников подверглись наказанию, в том числе за то, что знали о нарушениях, но не сообщили о виновных.²⁴

В донесении подчёркивалось, что нарушителями руководил грузинский патриотизм.

Брожение привело к драматическому событию в июне 1886 года, когда Иосиф Лагиев, ученик, исключённый за антирусские взгляды, убил ректора Павла Чудецкого.

Убийца был сыном священника из Горийского уезда.

Начальник Тифлиского жандармского управления докладывал:

По сравнению с русскими семинариями Тифлисская семинария находится в самых неблагоприятных условиях. Воспитанники, поступающие в семинарию... часто проявляют... антирелигиозный образ мыслей и враждебность к русскому элементу.

²² Цит. по: Л. Троцкий, *Сталин*, с. 14.

²³ *История классовой борьбы в Закавказье*, т. 1, приложение, с. 31–100.

²⁴ Там же, с. 83.

Исправить таких учеников нередко невозможно из-за крайней раздражительности и болезненного самолюбия местных жителей.²⁵

Он добавлял, что несколько недавно запрещённых грузинских газет настраивали общество против России и превращали семинарию в оплот грузинского патриотизма.

Семинарию закрыли на несколько месяцев.

Любопытную роль в этом эпизоде сыграл экзарх Грузии Павел. Он высказал начальнику жандармерии предположение, что убийство было делом не одного человека, а тайной организации.

Главным подозреваемым он назвал некоего Сильвестра Джибладзе, который годом ранее сам напал на ректора.

Впоследствии Джибладзе стал одним из основателей социал-демократической организации и одним из политических наставников Джугашвили.

Среди исключённых в 1886 году находился и Михаил Цхакая, сын священника, впоследствии друг Ленина, член большевистского Центрального комитета и председатель Советской Грузии.

Официальная забастовка всех грузинских учащихся семинарии произошла всего за несколько месяцев до поступления Джугашвили.

4 декабря 1893 года генерал Тифлисского жандармского управления Янковский телеграфировал в Петербург:

Большинство воспитанников православной семинарии объявило забастовку, требуя отстранения нескольких преподавателей и учреждения кафедры грузинской литературы.²⁶

Экзарх Грузии провёл с учащимися весь день, тщетно пытаясь убедить их прекратить забастовку.

Ректор попросил помощи у полиции.

Полиция закрыла семинарию и заставила учеников разъехаться по домам.

Но начальник полиции с беспокойством сообщал, что «многие образованные люди считают закрытие семинарии несправедливостью по отношению к ученикам, которые, согласно своим представлениям, защищали национальные интересы».

Покидая семинарию, учащиеся принесли клятву солидарности.

Тем не менее восемьдесят семь человек исключили до окончания учебного года.

Михаила Цхакая вновь назвали главным организатором выступления.

Среди исключённых был Ладос Кецохели, бывший ученик Горийского училища, всего на три года старше Джугашвили. Вскоре ему предстояло стать политическим наставником будущего Сталина.²⁷

Ни в одном из донесений ничего не говорится о социалистической пропаганде.

Главным побудительным мотивом выступлений был оскорблённый грузинский патриотизм.

²⁵ Там же сс.89-90

²⁶ Там же с.92

²⁷ *История классовой борьбы в Закавказье*, с. 100; *Рассказы о Великом Сталине*, с. 79; С. Аллилуев, *Пройденный путь*, с. 86.

Когда пятнадцатилетний Джугашвили появился в семинарии, воспоминания о недавней забастовке были ещё совсем свежи.

Ученики, несомненно, обсуждали события и исключение восьмидесяти семи товарищей. Новичок не мог не сочувствовать требованию преподавать в семинарии родную литературу. Таким образом, с самого начала он оказался под воздействием политического брожения.

Но, как прежде в Гори, и здесь он скрывал свои чувства от учителей.

Как в Гори, так и здесь он оставался образцовым учеником — способным, прилежным и внимательным.

Несомненно, он с жадным любопытством наблюдал за новым окружением.

Ректором был русский монах Гермоген. Инспектором — грузин Абашидзе, который именно потому, что являлся грузином, старался выслужиться перед русским начальством, демонстрируя чрезмерную угодливость.

Здесь молодой Джугашвили мог вблизи наблюдать действие самодержавной власти в малом масштабе.

Сами начальники жили в напряжении и страхе.

Русский ректор помнил судьбу убитого предшественника.

Грузинский инспектор одинаково боялся малейшего признака недовольства начальства и заговоров, которые могли созреть в углах длинных тёмных коридоров и в спальнях воспитанников.

И всё же чем пристальнее монахи следили за учениками, чем усерднее подслушивали и чем чаще обыскивали их одежду и чемоданы в поисках запрещённых книг, тем успешнее распространялась ересь в стенах семинарии.

Недавно исключённые ученики приобрели нравственный авторитет в глазах младших товарищей и каким-то образом продолжали поддерживать связь с прежними однокашниками и оказывать влияние внутри церковной крепости.

Ещё на первом году учёбы Джугашвили, должно быть, часто совершал полутайные вылазки в город и устанавливал отношения с представителями оппозиции.

Об этом свидетельствует то, что 29 октября 1895 года, почти ровно через год после его приезда в Тифлис, грузинский журнал *Иверия*, который редактировал либеральный патриот Илья Чавчавадзе, опубликовал его стихотворение.

Стихи, патриотические по характеру, но окрашенные социальным радикализмом, были посвящены известному грузинскому поэту Р. Эристави.

Они появились под подписью «Сосело» — «маленький Сосо», — поскольку автор, очевидно, стремился скрыть своё настоящее имя от руководства семинарии.²⁸

Другим его нарушением было пользование городской библиотекой.

Помимо грузинской поэзии, любимым чтением Джугашвили стали шедевры русской и европейской литературы.

²⁸ Под этой подписью стихи были вновь напечатаны в двух антологиях грузинской поэзии — в 1899 и 1907 годах. См.: М. Келенджеридзе, «Стихи юного Сталина», в кн.: *Рассказы о Великом Сталине*, с. 67–70.

Особенно нравились ему три великих русских сатирика — Салтыков-Щедрин, Гоголь и Чехов, которых позднее он часто цитировал в статьях и речах.

Среди прочитанных иностранных произведений были романы Виктора Гюго и *Ярмарка тщеславия* Теккерея в русском переводе.

Ещё большее значение для его развития имели популярные книги по дарвиновской биологии, экономике и социологии.

В то время позитивистские и материалистические представления о природе и обществе оказывали сильное воздействие на молодых либералов и социалистов.

Почти все мемуаристы, как благожелательные, так и враждебные Сталину, согласны с характеристикой, которую дал ему школьный товарищ Г. Глурджидзе, в 1930-е годы всё ещё работавший учителем в Гори:

Иногда во время богослужения мы читали книги в церкви, пряча их под скамьями. Разумеется, приходилось соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не попасться учителям. Книги были неразлучными друзьями Иосифа; он не расставался с ними даже во время еды... Когда ему задавали вопрос, Иосиф обычно не спешил отвечать.

Одним из немногих наших удовольствий в невыносимо душной атмосфере семинарии было пение. Мы всегда радовались, когда Сосо собирал из нас импровизированный хор и своим чистым и приятным голосом запевал любимые народные песни.²⁹

Однако другой мемуарист, Иремашвили, подчёркивает менее привлекательную черту характера Джугашвили.

Он также описывает его как одного из главных участников семинарских споров, лучше осведомлённого, чем большинство товарищей, и умевшего отстаивать свою точку зрения с большим упрямством и полемическим мастерством.

Но в стремлении к первенству Джугашвили плохо переносил, когда его затмевали другие.

Он начинал раздражаться, если кто-либо убедительно оспаривал его доводы, и приходил в ярость или мрачно замыкался в себе после малейшего поражения в споре.

Как позднее вспоминали некоторые одноклассники, иногда он затаивал обиду на более удачливого противника и пытался отомстить злословием и клеветой.

Подобное поведение, хотя оно, возможно, и не было исключительным для мальчика его возраста, делало его трудным товарищем.

Лишь в начале третьего года обучения монахи начали замечать, что их многообещающий воспитанник сбивается с правильного пути.

В ноябре 1896 года один из них внёс в журнал поведения следующую запись:

Оказывается, у Джугашвили имеется читательский билет библиотеки, откуда он берёт книги. Сегодня я отобрал у него роман Виктора Гюго «Труженики моря», в котором обнаружил упомянутый читательский билет.

Ректор наложил резолюцию:

²⁹ Цит. по: Е. Ярославский, указ. соч., с. 15.

Посадить его в карцер на продолжительное время. Я уже однажды предупреждал его за чтение неразрешённой книги — романа Виктора Гюго «Девяносто третий год».³⁰

Знаменитый роман Гюго о Французской революции действительно едва ли мог подготовить юного читателя к карьере священника.

Подобные записи стали появляться в журнале всё чаще:

В одиннадцать часов вечера я отобрал у Иосифа Джугашвили книгу Летурно «Литературное развитие народов», взятую им в библиотеке...

Джугашвили был обнаружен за чтением указанной книги на лестнице, ведущей в церковь. Это уже тринадцатый случай, когда данный ученик замечен за чтением книг, полученных в недорогой платной библиотеке. Книгу я передал отцу-надзирателю.

Эта запись была сделана в марте 1897 года, всего через четыре месяца после первой жалобы.

Ректор постановил:

Посадить его в карцер на продолжительное время со строгим предупреждением.³¹

В жалобах не упоминаются социалистические и тем более марксистские книги, найденные у нарушителя.

Но, судя по воспоминаниям современников и по его последующей деятельности, именно в старших классах он впервые познакомился с социалистическими и марксистскими теориями.

В то же время он вступил в тайный дискуссионный кружок внутри самой семинарии, а также в подпольную социалистическую организацию в городе, называвшуюся «Месаме-даси».

В последнюю он вступил в августе 1898 года.³²

Социалистические книги, по-видимому, было слишком опасно приносить в семинарию.

Да и достать их было непросто.

Как сообщает Ярославский, в Тифлисе тогда имелся лишь один экземпляр *Капитала* Маркса в русском переводе, и молодые социалисты переписывали его от руки.

Можно предположить, что Джугашвили читал или хотя бы просматривал книги и брошюры социалистических авторов в те немногие часы, которые ему удавалось проводить за пределами семинарии.

«Месаме-даси», в которую он вступил незадолго до девятнадцатилетия, была основана в 1893 году.

Это была одна из первых социал-демократических групп в Тифлисе, хотя её взгляды всё ещё сохраняли оттенок грузинского патриотизма.

³⁰ Е. Ярославский, указ. соч., с. 16–17.

³¹ Там же, с. 17.

³² И. В. Сталин. *Краткая биография*, с. 24.

Она приняла название «Месаме-даси» — «Третья группа», — чтобы отличаться от «Меоре-даси» — «Второй группы», прогрессивной либеральной организации, руководившей грузинской интеллигенцией в 1880-е годы.³³

Среди основателей «Месаме-даси» были Ной Жордания, Н. Чхеидзе и Г. Церетели, которым вскоре предстояло прославиться далеко за пределами Грузии как представителям умеренного социализма.

Одним из энергичных организаторов был Сильвестр Джибладзе, тот самый, которого исключили из семинарии за нападение на ректора.

Руководители «Месаме-даси» излагали свои взгляды на страницах либеральной газеты *Квали* — «Борозда».

Много позднее Джугашвили так вспоминал причины своего обращения к социализму:

Я стал марксистом благодаря своему общественному положению — мой отец был рабочим на обувной фабрике, а мать также была трудящейся женщиной, — но также... из-за суровой нетерпимости и иезуитской дисциплины, которая так беспощадно подавляла меня в семинарии... Атмосфера, в которой я жил, была насыщена ненавистью к царскому гнёту.

Окончательный толчок дали события внешнего мира.

В те годы рабочие Тифлиса проводили бурные забастовки — первые в истории кавказской столицы.

Теперь трудно представить, какое впечатление они производили на рабочий класс и радикальную интеллигенцию.

Позднее забастовки стали обычным явлением, и сама частота лишила их прежней волнующей силы.

Но первые стачки были откровением: они обнаружили прежде неведомую мощь труда.

Это было новое оружие в общественной борьбе, а новые виды оружия обычно порождают преувеличенные надежды и страхи.

И правители, и подданные увидели в забастовках знак приближения великих событий и драматических перемен.

Что касается России, они не ошиблись.

В то время Тифлис являлся центром промышленной революции небольшого масштаба.

Его жизнь отражала новое воздействие промышленного капитализма на восточный, племенной и феодальный Кавказ.

«Страна, малонаселённая в первые годы после реформы, населённая горцами и стоявшая в стороне от развития мирового хозяйства, в стороне даже от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, производителей зерна и табака».

Так ещё никому не известный Ленин описывал положение края к концу столетия.

Нефтяная промышленность Баку и Батума развивалась при помощи английского и французского капитала.

³³ «Пирвели даси» — «Первая группа», пользовавшаяся поддержкой прогрессивных представителей грузинского дворянства, выступала за отмену крепостного права ещё до 1865 года. См.: Л. Берия, указ. соч., с. 203; С. Т. Аркомед, указ. соч., с. 172–179.

К перечисленным Лениным отраслям вскоре добавилась добыча богатой марганцевой руды в Чиатуре.

В 1886–1887 годах общая стоимость промышленной продукции двух грузинских областей — Тифлисской и Кутаисской — составляла лишь десять миллионов рублей.

За четыре года она выросла более чем втрое.

В 1891–1892 годах стоимость продукции достигла тридцати двух миллионов рублей.³⁴

За тот же период число промышленных рабочих увеличилось с двенадцати до двадцати трёх тысяч человек, не считая железнодорожников.

Тифлис был главным узлом Закавказской железной дороги, связывавшей Каспийское побережье с Чёрным морем, Баку с Батумом.

Железнодорожные мастерские превратились в главную промышленную отрасль самого Тифлиса и важнейший нервный центр зарождавшегося подпольного рабочего движения Кавказа.

Мастерские и шумные азиатские базары представляли два противоположных начала городской жизни.

Возможно, молодой Джугашвили проводил немало времени, наблюдая за нравами и повадками восточных торговцев. Они, несомненно, оставили след в его сознании.

И всё же восточный мир, «стоявший в стороне даже от истории», был не для него.

Его привлекало новое начало в жизни Кавказа.

Двое или трое будущих священнослужителей, превратившихся в революционеров, уже стали его наставниками.

Помимо Сильвестра Джигладзе, одной из ведущих фигур «Месаме-даси», слишком влиятельной, чтобы стать близким другом новичка, Джугашвили общался ещё с двумя людьми, бывшими для него одновременно учителями и товарищами.

Это были Саша Цулукидзе и Ладо Кецохели.

Цулукидзе, всего на три года старше Джугашвили, уже пользовался известностью как литератор среди членов «Месаме-даси».

Он горячо служил делу, но сам был изнурён туберкулёзом, которому предстояло убить его через пять или шесть лет.

Его очерки и статьи в местных грузинских газетах свидетельствовали о широких познаниях в социологии и были написаны с подлинным блеском и литературным дарованием.

Среди его произведений имелось примечательное популярное изложение экономической теории Маркса.³⁵

³⁴ Ф. Махарадзе. *Труды и др.*, т. 1, с. 489–490;

Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии, с. 115–128.

³⁵ Позднее Сталин с благодарностью вспоминал Цулукидзе. В 1927 году он добился того, чтобы советское государственное издательство выпустило отдельной книгой его статьи и очерки, до того рассеянные по многочисленным небольшим грузинским периодическим изданиям.

Вместе с Сашей Цулукидзе Джугашвили иногда посещал редакцию *Квали* и слушал — вначале почтительно, а позднее с полуиронической улыбкой — мудрые рассуждения полулиберальных и полусоциалистических редакторов.

Другой его учитель и друг, Кецховели, не был литератором.

Он обладал гораздо более практическим складом ума.

Приняв новую веру, Кецховели главным образом думал о том, какие шаги следует предпринять, чтобы обратить в неё других.

Он уже успел повидать мир за пределами Кавказа.

После исключения из семинарии в числе «восьмидесяти семи» в 1894 году он отправился в Киев — старый центр духовной и политической жизни, менее провинциальный, чем Тифлис.

Там он провёл несколько лет и установил связь с подпольными социалистическими группами, которые, в свою очередь, поддерживали отношения с единомышленниками в Петербурге и даже с эмигрантскими руководителями в Швейцарии, Франции и Англии.

Он вернулся на Кавказ с жадной жаждой действия, стремясь вывести движение в родном крае из младенческого состояния.

Он начал искать возможность создать тайную типографию, которая, по его мнению, должна была стать первой надёжной опорой любой группы революционных пропагандистов.

Местные полусоциалистические и полулиберальные грузинские газеты были бесполезны.

Их редакторам приходилось оглядываться после каждого написанного слова и представлять каждую статью царской цензуре.

Робкая и обессиленная пропаганда, которую им позволяли вести, никого не могла убедить и никуда не вела.

Какой бы ценой это ни досталось, они, молодые революционеры, должны были добиться свободы от цензуры.

Это означало создание подпольной печати.

Именно к подобным практическим вопросам Кецховели направлял мысли Джугашвили после его вступления в «Месаме-даси».

Кецховели и Цулукидзе позаботились о том, чтобы начинающий революционер получил конкретное поручение — вести несколько рабочих кружков.

Ему предстояло читать лекции о социализме небольшим группам табачников, каменщиков, сапожников, ткачей, печатников и кондукторов местной конки.

Рабочие собирались маленькими группами — по двенадцать, самое большее по двадцать человек.

Подобные поручения давались каждому добровольцу, поскольку молодая организация остро нуждалась в людях, способных просвещать тех её членов, которые не могли самостоятельно читать книги и брошюры, излагавшие учение социализма.

Кружки собирались в переполненных рабочих жилищах в трущобах.

Воздух наполнялся едким дымом махорки, запахом пота и нищеты, а один из участников дежурил на улице, следя, чтобы полиция не угрожала безопасности остальных.

Вероятно, семинарист-пропагандист получал от этой работы большое нравственное удовлетворение.

Его труды вознаграждались приятным сознанием собственного возвышения.

Внешне он оставался одной из кротких овец, которых пас монах Абашидзе, но в действительности закладывал духовный динамит под основания империи и церкви.

Рабочие, нередко гораздо старше его, почтительно слушали юношу и признавали в нём наставника и руководителя.

После таких собраний было трудно и даже унижительно спешить обратно в мрачную семинарию, оправдываться перед монахами, придумывать объяснения необычно долгого отсутствия, надевать благочестивую маску и присоединяться к остальной пастве, распевавшей молитвы в церкви.

Это была двойная жизнь в двойном смысле.

Неверующий должен был изображать православного.

Революционер, уже ставший заметным человеком в городе и начинавший держаться как общественный деятель, должен был снова превращаться в несовершеннолетнего ученика, которым командовало и помыкало начальство.

Долго ли это могло продолжаться?

В последние год или два учёбы в семинарии Джугашвили, вероятно, часто размышлял над этим вопросом.

Он самым дерзким и лицемерным образом обманывал монахов, но не испытывал по этому поводу угрызений совести.

Он лишь отвечал обманом на обман.

Разве они не следили за ним и не обыскивали вещи в его отсутствие?

Разве всё их учение не было одним чудовищным обманом?

Его собственное лицемерие было лишь ответом на их лицемерие.

В этом состязании лжи и хитрости он, несомненно, одерживал верх.

Вероятно, успех и доставляемое им развлечение помогали терпеть почти невыносимое положение.

Конечно, однажды он мог собрать вещи и распрощаться с монахами.

Но что дальше?

За пределами семинарии у него не было средств к существованию.

Организация была ужасающе бедна и не могла ему помочь.

Он не желал становиться обузой для матери.

Перспектива превратиться в фабричного рабочего или конторского служащего также не привлекала его.

При всей своей невыносимости семинария всё же оставляла ему достаточно времени для споров, мечтаний и чтения, от которых он не хотел отказываться.

Более порывистый или идеалистически честолюбивый молодой человек хлопнул бы дверью семинарии, не заботясь о последствиях.

Но он был сыном бывших крепостных.

И хотя теперь работал над изменением жизни целого народа, он унаследовал нечто от крестьянской неподвижности и инертности, рождённых страхом перемен.

Правда, пребывание в семинарии требовало постоянной скрытности и притворства.

Но этим навыкам он учился с детства, и теперь они стали для него почти второй натурой.

Тем не менее его положение становилось всё более трудным.

В записях журнала поведения за последние месяцы его пребывания в семинарии не содержится упоминаний о социалистической пропаганде.

По-видимому, эту сторону своей деятельности ему удавалось скрывать.

Однако столкновения с начальством становились всё острее.

В донесении от 29 сентября 1898 года говорилось:

В девять часов вечера группа учеников собралась в столовой вокруг Иосифа Джугашвили, который читал им книги, не разрешённые руководством семинарии, вследствие чего был произведён обыск учащихся.

Через несколько недель было отмечено:

Во время обыска учащихся... Иосиф Джугашвили неоднократно пытался вступить в спор... выражал недовольство частыми обысками... и заявлял, что в других семинариях подобных обысков не производят. Вообще Джугашвили проявляет неуважение и грубость по отношению к представителям начальства...³⁶

Спустя всего несколько месяцев после его вступления в «Месаме-даси» монахи сами разрешили мучившую его дилемму.

29 мая 1899 года его исключили из семинарии на том основании, что по «неизвестным причинам» он не явился на экзамен.³⁷

Позднее сам он утверждал, что был исключён за «пропаганду марксизма».

Руководство семинарии официально указало другую причину, но, несомненно, подозревало его в политической неблагонадёжности.

Покидая полумонастырь-полуказарму, в которой провёл пять важнейших лет жизни, изгнанник едва ли о чём-либо сожалел.

То обстоятельство, что родители Джугашвили-Сталина родились крепостными, отличает его почти от всех остальных выдающихся деятелей революции.

Большинство из них происходило из совершенно иных слоёв — дворянства, среднего класса и интеллигенции.

Будучи студентом, Ленин с острой интеллектуальной любознательностью наблюдал крестьянскую жизнь вблизи.

Но он, сын получившего дворянство инспектора народных училищ, не принадлежал к ней.

³⁶ Е. Ярославский, указ. соч., с. 16–17.

³⁷ Там же

Троцкий впервые увидел нищету и эксплуатацию из окна дома разбогатевшего еврейского землевладельца, сыном которого являлся.

Зиновьев, Каменев, Бухарин, Раковский, Радек, Луначарский, Чичерин и десятки других знали зло, против которого выступили, со значительно большего расстояния.

Для большинства из них даже капиталистическая эксплуатация, не говоря уже о крепостничестве, была социологической формулой, в смысл которой они проникали с различной глубиной.

Но действительность, скрывавшаяся за формулой, не являлась частью их личного опыта.

Некоторые видные большевики — Калинин, Томский и Шляпников — сами были рабочими и, подобно большинству русских рабочих, всё ещё сохраняли корни в деревне.

Но даже среди них почти никто в юности не дышал атмосферой крепостничества настолько непосредственно и болезненно, как Джугашвили-Сталин.

К двадцати годам Джугашвили, несомненно, поднялся высоко над первоначальной средой.

Теперь он принадлежал к интеллигенции — разумеется, не к её прочно устроившемуся и уважаемому слою, хорошо знавшему своё место и значение в обществе, а к полукочевой окраине деклассированных людей.

Но ничто не могло лишить его почти физического чувства близости к тем, кто находился на самом дне общественной пирамиды.

Революционеры из высших классов лично знали лишь рабочую элиту — образованных рабочих, восприимчивых к социалистической пропаганде и охотно вступавших в дружеские отношения с идеалистически настроенными интеллигентами.

Огромную инертную массу, менее восприимчивую к социалистическим идеям, они называли отсталыми и несознательными слоями пролетариата.

Революционеры-марксисты имели некоторое представление о мёртвом грузе этой отсталости.

Они помнили судьбу революционеров из высших слоёв предыдущего поколения, которые идеалистически «шли в народ», желая трудиться среди крестьян ради их блага, но которых подозрительные крестьяне порой зверски убивали или выдавали жандармам.

Однако марксисты надеялись, что просвещение и политический опыт со временем приведут к социализму даже отсталых и несознательных.

Пока же они, теоретики и пропагандисты, фактически не имели общего языка с ещё не пробудившимися массами.

С другой стороны, первыми побуждениями, толкавшими молодых людей из высших классов к социализму, обычно были гуманистическое сострадание и чувство вины.

Подобные чувства заставляли их видеть в угнетённых классах воплощение добродетели и душевного благородства.

У молодого Джугашвили должна была существовать необычайная, почти инстинктивная чувствительность к этому элементу отсталости в русской жизни и политике.

В последующие годы она лишь усиливалась.

Разумеется, и его теперь прежде всего интересовали передовые рабочие, потому что только через них можно было приблизиться к отсталой массе и вывести её из покорности и инертности.

Но в глубине души он не склонялся ни к радужным надеждам, ни к идеалистическим обобщениям относительно рабочего класса.

С недоверчивым скептицизмом он относился не только к угнетателям — помещикам, капиталистам, монахам и царским жандармам, — но и к угнетённым, рабочим и крестьянам, дело которых принял.

В его социализме не было чувства вины — ни малейшего его следа.

Несомненно, он испытывал некоторое сочувствие к классу, в котором родился, но ненависть к имущим и правящим классам должна была быть намного сильнее.

Классовая ненависть, которую чувствовали и проповедовали революционеры из высших слоёв, являлась своего рода вторичным чувством, выросшим и сознательно воспитанным из теоретических убеждений.

Для Джугашвили классовая ненависть была не второй натурой, а первой.

Социалистическое учение привлекало его потому, что, как ему казалось, давало нравственное оправдание собственным чувствам.

В его мировоззрении не было ни малейшей сентиментальности.

Его социализм был холодным, трезвым и суровым.

Эти особенности характера должны были сослужить ему хорошую службу в будущем.

Но с ними были связаны и серьёзные недостатки.

Революционеры из высших классов приносили в социалистическое движение унаследованные культурные традиции.

Они восставали против убеждений и предрассудков родной среды, но одновременно переносили в революционную среду некоторые её ценности и качества — не только знания, но также утончённость мысли, речи и манер.

В сущности, сам их социалистический бунт являлся порождением нравственной чувствительности и интеллектуальной утончённости.

Именно этих качеств жизнь не позаботилась воспитать в Джугашвили.

Напротив, на его пути было достаточно физической и нравственной грязи, чтобы притупить чувствительность и вкус.

Мало кто из других руководителей испытывал чувство общественной неполноценности.

Большинство из них, выбери они более мирную и защищённую жизнь, могли бы сделать блестящую и уважаемую карьеру.

Человек с гением Ленина мог бы стать великим национальным руководителем при любом режиме.

Троцкий был литератором высочайшего уровня.

Каменев, Луначарский или Бухарин могли занять высокое положение в академическом мире.

Все они были чрезвычайно одарёнными ораторами или писателями, мыслителями огромного размаха, воображения и самобытности, проявившими свои способности в поразительно раннем возрасте.

У молодого Джугашвили было достаточно проницательности и здравого смысла.

Но воображение и оригинальность не принадлежали к его характерным качествам.

Он мог связно читать лекции о социализме небольшим рабочим кружкам, но не был оратором.

Как позднее показало время, не был он и блестящим писателем.

В официальной России, разделённой на сословия, сын грузинских крестьян не мог высоко подняться по общественной лестнице, даже обладая большими честолюбием, настойчивостью и удачей.

В церкви он в лучшем случае превратился бы в ещё одного Абашидзе.

Обстоятельства неизбежно породили в нём некоторое чувство неполноценности, от которого он не смог окончательно избавиться даже в социалистическом подполье.

Глава 2 Социалистическое подполье

Творцы будущей революции. — Марксисты против народников — аграрных социалистов. — Плеханов и Ленин: их влияние на Кавказе. — В 1899 году Сталин поступает служащим в Тифлисскую обсерваторию. — Революционная деятельность вынуждает его перейти на нелегальное положение в 1901 году. — Редактирует газету «Брдзола» — «Борьба». — Его первое политическое произведение в прозе. — Отношение к буржуазии. — «Народное любопытство» как оружие против тирании. — В 1901 году Сталин покидает Тифлис и отправляется в Батум. — Начинает пользоваться псевдонимом Коба — «Неукротимый». — Создает подпольную типографию. — Столкновение рабочих с войсками. — Арест Сталина в 1902 году.

Джугашвили вступил в «Месаме-даси» в августе 1898 года. Несколькими месяцами ранее, в марте, в Минске тайно собралась небольшая группа социалистов — менее двенадцати человек, — чтобы провозгласить создание Российской социал-демократической рабочей партии.

Совпадение дат показывает, что Джугашвили присоединился к социалистическому движению в знаменательный момент, когда оно приближалось к перелому.

В то время в России ещё не существовало социалистической партии общенационального масштаба. Имелись лишь небольшие пропагандистские кружки, состоявшие преимущественно из интеллигентов.

Споры и обсуждения, происходившие в этих маленьких группах, почти не привлекали внимания посторонних. Даже теперь поверхностный исследователь мог бы счесть их бесплодными доктринёрскими препирательствами.

Но эти «сектантские» пропагандисты были подлинными творцами истории — учёными и художниками будущей революции.

На протяжении всего XIX века наиболее смелые представители русской интеллигенции восставали против гнетущего царского самодержавия. Однако лишь к концу столетия марксистский социализм стал господствующим течением в революционной оппозиции.

До конца 1880-х годов преобладала аграрная разновидность социализма, представленная народниками.

Народники считали, что аграрная и феодальная Россия сумеет избежать пороков современной промышленной системы, основанной на погоне за прибылью, и создаст собственный социалистический строй, опирающийся на мир, или общину, — древнюю форму коллективного землевладения, сохранившуюся в деревне.

По их мнению, для достижения общественной и духовной свободы было достаточно уничтожить крепостное право и самодержавие.

После этого социалистическое спасение России было бы обеспечено, а ведущим классом и созидательной силой нации стало бы не промышленное пролетарство, а крестьянство.

Большинство народников были революционными славянофилами и противились распространению европейского влияния в России.

Однако в их собственных рядах возникло другое течение, находившееся под воздействием западноевропейской социалистической мысли.

В год рождения Джугашвили на тайном съезде народников в Воронеже произошёл раскол на две группы. Одна осталась верна традиционным аграрным взглядам. Другая, возглавляемая Георгием Плехановым, вскоре начала прививать русскому революционному движению идеи западного промышленного социализма.

Сам Плеханов выдвинулся как наиболее одарённый в России истолкователь марксистской философии и социологии, учитель Ленина и целого поколения русских революционеров.

Плеханов уверенно предсказывал, что капиталистическая промышленность вскоре проникнет в Россию и разрушит её патриархально-феодальный строй и первобытные сельские общины, на которых народники намеревались строить свой социализм.

Он утверждал, что в России сформируется городской промышленный рабочий класс, который поведёт борьбу за промышленный социализм по образцу Западной Европы.

Мечта об особом славянском сельском социализме, который возникнет непосредственно из чистого феодализма, была утопией и вскоре должна была бесследно исчезнуть.

Плеханов пришёл к выводу, что революционерам необходимо приступить к организации промышленного рабочего класса.

Он значительно опережал своё время.

Современная промышленность лишь пускала в России первые слабые корни. Только очень смелый мыслитель мог увидеть большое значение в её скромных зачатках и возложить все общественные и политические надежды на почти не существовавший промышленный пролетариат.

Казалось, что утопию проповедуют именно марксисты, а не народники.¹

Принципиальный спор между ними усугублялся разногласиями по вопросам тактики.

Народники пытались либо поднять крестьян на борьбу против самодержавия — без особого успеха, — либо свергнуть его посредством покушений на жизнь самого царя, его министров и губернаторов.

Поскольку они считали, что их аграрный социализм уже фактически существует под твёрдой коркой феодального самодержавия, с их точки зрения было совершенно естественно попытаться разбить эту корку.

В 1881 году они добились мнимого торжества, убив царя Александра II.

Террористы были людьми высочайших нравственных и интеллектуальных качеств — «фалангой героев, вскормленных, подобно Ромулу и Рему, молоком дикого зверя».

Большинство из них происходили из аристократических или по крайней мере дворянских семей и приносили свои жизни в жертву народу. Одной из центральных фигур заговора была Софья Перовская, дочь петербургского генерал-губернатора.

Но именно их торжество — убийство царя — стало источником разочарования и упадка движения.

Они ожидали, что ненавистный строй рухнет под нанесённым ударом.

¹ Любопытно, что сам Маркс отказался поддержать русских марксистов в их споре с народниками. См. его письма к Вере Засулич в издании: *Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями*.

В действительности им удалось убить самодержца, но не самодержавие.

Александра II сменил Александр III, чья тирания оказалась ещё более жестокой.

Марксисты решительно отвергали террористические методы.

Убийство отдельных лиц, или «индивидуальный террор», как они его называли, было бесполезно.

Необходимо было уничтожить систему, а система не зависела от небольшой группы отдельных людей.

Марксисты возлагали надежды на промышленный пролетариат, который должен был выступить против самодержавия всей своей массой. Но поскольку численно пролетариат был ещё слишком слаб, чтобы действовать, им оставалось лишь ждать, пока рост промышленности не создаст многочисленные рабочие батальоны.

Тем временем можно было только вести пропаганду, привлекать новых сторонников социализма и создавать разрозненные группы единомышленников.

Время подтвердило правильность марксистских прогнозов.

С годами промышленность и вместе с ней рабочий класс росли численно и набирали силу, а трудовые конфликты становились всё более частыми.

В 1890-е годы учение народников казалось молодым революционерам устаревшим и выдохшимся.

В 1894 году, когда Джугашвили поступил в семинарию, молодой Ленин опубликовал брошюру *Что такое «друзья народа»?*, направленную против народников. Она стала ещё одним гвоздём в крышку их гроба, хотя через несколько лет предстояло возникнуть другой, более современной разновидности аграрного социализма.

Во взглядах русских марксистов заключался любопытный парадокс.

Полемизируя с народниками, они утверждали, что для возникновения социализма в России прежде должен развиваться капитализм.

Социализм без современной промышленности представлялся им противоречием в самом понятии.

В Западной Европе социалисты могли бороться за свержение капитализма, тогда как в России все надежды пока связывались с его ростом и развитием.

Поскольку капитализм рассматривался как необходимая промежуточная остановка на пути от феодализма к социализму, марксисты подчёркивали преимущества этой промежуточной стадии: её прогрессивные черты, цивилизующее влияние, привлекательную атмосферу и тому подобное.

Многие ранние произведения русских марксистов, включая сочинения Плеханова и Ленина и в меньшей степени даже Сталина, порой напоминали апологию либерального западноевропейского капитализма.

Этот парадокс неизбежно порождал двусмысленность.

Одни пропагандисты сильнее подчёркивали одну сторону марксистских рассуждений, другие — противоположную.

Одни смотрели на конечную цель — социализм. Другие не сводили глаз с промежуточной станции — капитализма.

Иными словами, одни были социалистами, тогда как другие являлись буржуазными либералами, пользовавшимися марксистским языком для защиты прогрессивного капитализма.

Если в Западной Европе социализм был незаконнорождённым потомком либерализма, то в России либерализм отчасти вырос из социализма.

Чем ближе попутчики подходили к промежуточной остановке, тем яснее обнаруживались разделявшие их различия.

К началу XX века разрыв между марксистами и так называемыми легальными марксистами стал непреодолимым.

«Легальные марксисты» получили такое название потому, что проповедовали учение лишь в той отвлечённой форме, которая допускалась царской цензурой.

Они группировались вокруг нескольких известных экономистов и социологов — Струве, Туган-Барановского, Булгакова и других, — применявших марксистский метод в социологическом и экономическом анализе, но игнорировавших или прямо отвергавших революционную сторону марксизма.²

Раскол вызвал замешательство среди сторонников марксизма, особенно потому, что долгое время марксизм, несомненно, привлекал людей весьма умеренных взглядов.³

Критика «индивидуального террора» и осуждение организаторов убийств и покушений создавали впечатление, будто марксизм является самым умеренным из существовавших революционных учений.

Плеханову и Ленину, а также их менее известным соратникам — Аксельроду, Засулич и Мартову — пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть путаницу, заново сформулировать революционные выводы своего учения и отделить либералов от социалистов.

Спор разгорался в книгах, брошюрах и периодических изданиях.

Он распространился на все центры политической оппозиции в России и затронул также Тифлис.

«Месаме-даси» представляла собой рыхлое объединение всех, кто клялся в верности марксистским принципам. Однако взгляды её умеренных членов были окрашены «легальным марксизмом».

К моменту вступления Джугашвили в «Месаме-даси» спор зашёл уже достаточно далеко. Правое крыло, возглавляемое Ноем Жорданием, одержало верх.

² В последующие годы легальные марксисты превратились в выразителей консервативного либерализма и монархизма. Туган-Барановский был известен на Западе как автор марксистского исследования экономических циклов в Великобритании XIX века.

³ В то время шутили, что «во всём мире марксисты являются партией рабочего класса, и только в России — партией крупного капитала». М. Н. Покровский, *Краткая история России*, т. 2, с. 72.

Джугашвили присоединился к левому меньшинству.⁴

Едва закончился этот спор, как возник новый.

Первые забастовки и трудовые конфликты способствовали появлению течения, получившего название «экономизм».

Этим своеобразным термином русские социалисты обозначали то, что французы называли синдикализмом, то есть неполитическим профсоюзным движением.

«Экономисты» намеревались ограничить деятельность поддержкой требований рабочих о повышении заработной платы и улучшении условий труда, не занимаясь политикой.

Они опасались, что «безрассудные» политические выступления против царя и пропаганда социализма оттолкнут рабочий класс, который, по их мнению, интересовался главным образом насущными материальными вопросами и почти ничем другим.

Политически настроенные социалисты отвечали, что «экономисты» смотрят на рабочих слишком низко и пренебрежительно.

События, утверждали они, покажут, что рабочие могут стать наиболее политически сознательным классом, если социалистическая пропаганда убедит их в важности политики. Они, несомненно, никогда не поднимутся выше борьбы за хлеб насущный, если сами руководители боятся говорить с ними о политике.

Ещё в 1901 году «экономисты» составляли большинство на социалистических конференциях, проводившихся за границей.

Но сторонники политической борьбы не пали духом и поставили перед собой задачу переубедить колеблющихся и одержать победу над большинством.

Особенно на Кавказе «экономисты» на короткое время взяли верх над сторонниками политической борьбы.

Однако посланные Плехановым и Лениным агенты провели в Тифлисе подготовительную работу, и влияние «экономизма» начало ослабевать.

Люди, с которыми общался молодой Джугашвили, — Цулукидзе, Кецохвели и другие, — как и он сам, поддерживали революционную политическую борьбу против «экономизма».

Наконец, внимание молодых социалистов привлекали ещё два взаимосвязанных вопроса.

Их численность быстро возрастала. К 1900 году только в Тифлисе насчитывалось несколько сотен социалистов.

Ещё важнее было то, что в подпольных группах рабочих стало больше, чем интеллигентов.

Они установили прочные связи с предприятиями и теперь могли обращаться к широким рабочим массам.

⁴ Следует отметить, что Ной Жордания, возглавлявший большинство, не был типичным «легальным марксистом». Позднее он стал признанным руководителем грузинских меньшевиков. После 1917 года его избрали председателем Грузинской республики. В феврале 1921 года он был изгнан из страны в результате советского вторжения в Грузию, предпринятого по личному приказу Сталина. Таким образом, споры, происходившие в Тифлисе на рубеже веков, стали своеобразным прологом будущей драмы

Очевидно, настало время перейти от простого чтения лекций о принципах социализма нескольким десяткам избранных к систематической профсоюзной и политической работе среди масс.

На языке русских социалистов это называлось «переходом от пропаганды к агитации».

Слово «пропаганда» тогда имело совершенно иной смысл, чем сегодня.

Оно не означало оглушение публики изошрёнными приёмами политической рекламы, «продажу идеи» легковёрным людям или искусственное возвеличивание и создание культа вождей.

Напротив, под пропагандой понималось скромное и серьёзное обсуждение принципов в небольших учебных кружках — обмен идеями, а не лозунгами.

Но теперь, на рубеже веков, большинство русских социалистов ощущало, что одной такой пропаганды уже недостаточно.

Для систематической политической работы в массовом масштабе им требовалась организованная партия с признанным общенациональным руководством, располагающим достаточными нравственными и материальными средствами, чтобы руководить деятельностью местных групп, наставлять их и согласовывать их действия.

Иными словами, требовалась общенациональная, достаточно сплочённая и боеспособная партия.

За более чем двадцать лет, прошедших после раскола народнического съезда в Воронеже, вызванного Плехановым, такой партии не возникло.

Существовали лишь местные группы, руководимые местными вождями. Таково было положение и в момент, когда Джугашвили стал социалистом.

Съезд, состоявшийся в Минске в 1898 году, был первой попыткой создать партию.

Но почти всех его участников арестовала полиция, и принятым ими решениям ещё некоторое время было суждено оставаться на бумаге.

Главный представитель марксизма Плеханов жил в эмиграции в Западной Европе и постепенно утрачивал связь с Россией.

Молодые социалисты остро ощущали необходимость объединить разрозненные группы.

Далеко на северо-востоке Сибири, в деревне Енисейской губернии, в трёхстах милях от ближайшей железнодорожной станции, тридцатилетний Ленин с нетерпением ожидал окончания трёхлетней ссылки.

В Сибири он написал несколько очерков и обширный, основательный экономический труд *Развитие капитализма в России*, сразу создавший ему репутацию одного из ведущих марксистских авторов.

Однако литературный успех не удовлетворял ссылного.

Его снедало нетерпение: он хотел приступить к созданию настоящей социалистической партии.

Освободившись из ссылки, Ленин установил связь с друзьями в Петербурге и Москве.

Они считали, что им следует посоветоваться с «великим старцем» Плехановым и его соратниками и сотрудничать с ними.

Ленин горячо желал этого.

Через несколько месяцев он отправился за границу и установил связь между старым и молодым поколениями марксистов.

Результатом ещё не стало создание партии. Возникло предприятие, на первый взгляд гораздо более скромное, но которому предстояло занять своё место в русской и мировой истории.

В последние дни 1900 года в Штутгарте вышел первый номер нового периодического издания под названием *Искра*.

Название было символическим: из этой искры должно было разгореться пламя русской революции.

Редакторы не собирались ограничиваться журналистскими комментариями к текущим событиям.

Они добились того, чтобы газета регулярно поступала читателям в России. Члены подполья тайно переправляли номера через границу.

В этом не было ничего необычного или нового: многочисленные русские периодические издания, десятилетиями выпускавшиеся эмигрантами, проникали в Россию примерно таким же способом, хотя, возможно, менее регулярно.

Действительно новой особенностью *Искры*, превратившей её в уникальное предприятие в истории журналистики, было то, что газета одновременно служила организационным центром подпольной партии внутри России.

Редакционная коллегия назначила ряд распространителей и агентов, которые тайно разъезжали по стране, устанавливали связь с местными группами или создавали их там, где они отсутствовали, и следили за тем, чтобы эти группы регулярно переписывались с заграничной редакцией и следовали её указаниям.

Таким образом, все нити ещё не согласованного подпольного движения вскоре должны были сойтись в редакции *Искры*, которую переносили из Мюнхена в Женеву, а затем в Лондон, подальше от царской полиции.

Редакторы газеты вскоре получили хорошее представление о численности и внутренней жизни групп, рассеянных по всей Российской империи.

Из группы обозревателей и журналистов они превратились в нечто вроде настоящего исполнительного руководства подполья.

Теперь они могли придавать форму разросшемуся, но всё ещё бесформенному движению и сплачивать его в общенациональную партию.

Все социалисты России, разделявшие взгляды редакции, называли себя искровцами.

Таким образом, скромная газета стала рычагом революции.

Агенты *Искры* не обошли вниманием Кавказ.

В Тифлисе молодые социалисты поспешили назвать себя искровцами, и Джугашвили был одним из них.

Подобно остальным, он с нетерпением ждал очередных номеров газеты, доставлявшихся подпольной почтой через довольно продолжительные промежутки времени.

Появление нового номера становилось праздником.

Здесь он находил интеллектуальный авторитет, на который мог уверенно опереться. Каждый номер *Искры* давал пищу для размышлений и множество основательных доводов, чрезвычайно полезных в спорах с противниками.

Газета укрепляла и уверенность молодого человека в себе.

Теперь он мог поражать оппонентов точными доводами и острыми выражениями, придуманными ведущими заграничными теоретиками, и получать на месте часть славы, по праву принадлежавшей тем, кто снабжал его аргументами.

Разумеется, он был ещё слишком молод и недостаточно образован, хотя по местным меркам обладал немалыми знаниями, чтобы вносить собственный вклад в *Искру*.

Но его ум был уже достаточно развит, чтобы воспринимать и усваивать основные направления, хотя и не все тонкие оттенки проповедуемых газетой взглядов.

Теперь рабочим, политическое воспитание которых было ему поручено, он излагал не только общие идеи социализма и причины, по которым следовало бороться против царизма и капиталистической эксплуатации.

Он мог также пересказывать конкретные доводы против аграрного социализма, легального марксизма и экономизма.

Вся его умственная деятельность теперь основывалась на этих рассуждениях, которые составили главное содержание его первых собственных работ на грузинском языке.

Таким образом, два года после исключения из семинарии стали чрезвычайно важным этапом его интеллектуального и политического развития.

Когда он покинул семинарию, его социалистические взгляды оставались ещё неопределёнными.

Его привлекала марксистская теория, но он был едва знаком с ней, не говоря уже о том, чтобы усвоить её.

Грузинский патриотизм уступал место более широкой верности — убеждению, что международный социализм положит конец не только экономической эксплуатации, но и национальному и расовому угнетению.

Однако патриотические настроения, вероятно, ещё сохранялись.

Примерно через два года, несомненно под влиянием сочинений Плеханова, Ленина и их соратников, его взгляды окончательно сложились — по крайней мере, если судить по первым политическим статьям, опубликованным в 1901 году.

Склонность к грузинскому патриотизму была преодолена.

Всё его внимание сосредоточилось на «социальной», в отличие от «национальной», проблеме. Он уже говорил языком убеждённого и «непримиримого» марксиста.

На протяжении нескольких месяцев после исключения из семинарии, с мая до конца 1899 года, Джугашвили не мог найти работу и не имел постоянного жилья.

Некоторое время он провёл с матерью в Гори, а затем вернулся в Тифлис, где, вероятно, жил у кого-нибудь из сознательных рабочих, посещавших его занятия.

С помощью друзей он зарабатывал небольшие деньги частными уроками в семьях среднего достатка.

К концу года он получил должность служащего в Тифлисской обсерватории.

Жалованье было ничтожным, но работа давала важные преимущества.

Она не отнимала у него слишком много времени. Кроме того, при обсерватории ему предоставили отдельную комнату — впервые он получил возможность жить в уединении.

Теперь в этой комнате можно было время от времени проводить собрания и надеяться, что респектабельная вывеска обсерватории какое-то время будет скрывать его от полицейского надзора.

Это было важно, поскольку в последующие месяцы полиция арестовала нескольких членов «Месаме-даси».

Его среди арестованных не оказалось.

Он умел оставаться незаметным.

Осторожный, молчаливый, наблюдательный и обладавший большим самообладанием, он уже во многих отношениях был идеальным подпольщиком.

В первые месяцы работы в обсерватории он вместе с товарищами готовил первую на Кавказе первомайскую демонстрацию.

Она должна была стать одновременно вызовом властям и выражением солидарности с рабочими Европы.

Пока ещё вызов был достаточно робким.

В назначенный день четыреста или пятьсот рабочих незаметно вышли из города и собрались у Солёного озера, на отдалённой окраине Тифлиса, где полиция вряд ли могла их поджидать. Там участники демонстрации сомкнули ряды и развернули красные знамёна.

Над толпой подняли самодельные портреты Маркса и Энгельса.

Скромное собрание несколько напоминало православный крестный ход, в котором иконы заменили изображениями Маркса и Энгельса.

Перед участниками выступил Джугашвили. Это была его первая публичная речь.

Затем прозвучали ещё две или три речи, после чего собравшиеся исполнили социалистические гимны и поспешно разошлись.

Если смотреть на этот эпизод издали, он может показаться совершенно незначительным, а поведение демонстрантов — чрезвычайно робким.

Но в атмосфере тех лет всё выглядело совершенно иначе.

Так социализм начинал собирать свои силы. Уже в следующий Первомай демонстранты бросили вызов охранке в самом центре города.⁵

⁵ Охранка, сменившая Третье отделение, была политической полицией, созданной в 1881 году после убийства Александра II. Описание этой первомайской демонстрации см.: Ф. Махарадзе и Г. В. Хачапуридзе, *Очерки по истории рабочего и крестьянского движения в Грузии*, с. 164–165; С. Аллилуев, *Пройденный путь*, с. 46–48.

Другими двумя событиями, имевшими некоторое значение в остальном небогатом событиями году, стали забастовка в железнодорожных мастерских и приезд в Тифлис друга Ленина Виктора Курнатовского.

Джугашвили в некоторой степени участвовал в забастовке.

Несомненно, он обсуждал с товарищами тактику железнодорожников и помогал готовить листовки.

Но самой забастовкой руководили квалифицированные железнодорожные рабочие — сосланные из России Калинин, Аллилуев и другие.⁶

Приезд Курнатовского придал социалистическому движению Тифлиса новый импульс.

Друг и почитатель Ленина, вероятно, рассказал местным социалистам о нём самом, его идеях и планах.

По всем свидетельствам, ленинский посланник был привлекательным человеком.

Позднее он стал легендарным героем революции 1905 года.

Курнатовский произвёл на Джугашвили сильное впечатление.

Для Курнатовского он был одним из местных руководителей, на которых можно было положиться, но более тесных отношений между ними не возникло.⁷

1901 год должен был оказаться богатым событиями.

Главным предприятием социалистов становилось празднование Первого мая, которое должно было приобрести гораздо более серьёзный характер, чем годом ранее.

Властям предполагалось бросить более прямой и резкий вызов.

«Рабочие всей России, — говорилось в листовке, выпущенной в Тифлисе, — решили открыто отпраздновать Первое мая на главных улицах своих городов. Они с гордостью заявляют властям, что их не страшат ни казачьи нагайки и сабли, ни пытки полиции и жандармерии».⁸

Тифлисская охранка решила нанести удар первой.

За месяц до Первого мая, 21 марта, Курнатовский и наиболее активные местные социалисты были арестованы.

В комнате Джугашвили при обсерватории произвели обыск: полиция наконец разгадала деятельность незаметного служащего.

Джугашвили не было дома, и поэтому ареста он избежал.

Но вернуться в обсерваторию он уже не мог.

Пришлось расстаться с тихой службой.

Он не мог жить в другом месте под собственным именем, поскольку полиция немедленно вышла бы на его след.

Фактически легальное существование стало для него невозможным.

Он должен был отказаться от прежней личности.

⁶ С. Аллилуев, указ. соч., с. 46–59. См. также: *Красный архив*, № 3, 1939.

⁷ *Рассказы о Великом Сталине*, с. 91; Л. Берия, указ. соч., с. 22; С. Аллилуев, указ. соч., с. 74–80; Л. Троцкий, *Сталин*, с. 27–28.

⁸ Л. Берия, указ. соч., с. 23.

Даже раньше немногие товарищи знали его настоящее имя: большинство обращалось к нему по различным прозвищам.

Отныне вся его жизнь должна была скрываться за чужими паспортами и псевдонимами, которых за последующие пятнадцать лет он использовал около двадцати.

До сих пор он находился на границе между подпольем и легальной жизнью.

Теперь он окончательно погружался в настоящее подполье, из которого вышел лишь в 1917 году, незадолго до того, как стал членом первого советского правительства.

Его существование теперь целиком зависело от помощи организации, богатой честолюбием и энтузиазмом, но бедной деньгами, а также от личной поддержки товарищей.

Решение избрать этот путь было своего рода неофициальным обетом бедности, завершившим его ученичество в социализме.

Бывший семинарист становился одним из рыцарей-странников и паломников безбожного революционного ордена — людей, для которых жизнь почти не имела ни смысла, ни привлекательности вне служения своему делу.

Первой задачей после арестов было отразить удар охранки.

Подготовку Первомайской демонстрации следовало довести до конца.

Нельзя было доставить охранке удовлетворение настоящей победой.

Кроме того, арест других руководителей открывал перед ним возможность возвыситься.

Теперь ему достаточно было проявить себя, чтобы автоматически занять более высокое положение в подполье.

Вызов, брошенный властям в листовке, следовало поддержать любой ценой.

В Первомай толпа рабочих численностью около двух тысяч человек — в четыре или пять раз больше, чем годом ранее, — собралась у Солдатского базара возле Александровского сада, в центре города.

Полиция и казаки уже находились на месте.

В последовавшем столкновении четырнадцать демонстрантов были ранены, пятнадцать — арестованы.

Через несколько недель редакторы *Искры* отозвались о демонстрации как о предвестии ещё более значительных событий:

Событие, происшедшее в воскресенье, 22 апреля, в Тифлисе, имеет историческое значение для всего Кавказа: этот день положил начало открытому революционному движению на Кавказе.⁹

До этого Джугашвили по мере необходимости иногда писал короткие листовки и прокламации.

Теперь он решил попробовать себя в революционной журналистике.

Кецховели отправился в Баку и наконец сумел создать там подпольную типографию, о которой давно мечтал.¹⁰

⁹ Л. Берия, указ. соч., с. 24.

¹⁰ Л. Б. Красин, *Дела давно минувших дней*, с. 14–17. Красин, отвечавший за всю техническую сторону организации, называет Кецховели «гениальным организатором»

Теперь он мог приступить к изданию нелегальной газеты на грузинском языке.

Первый номер газеты *Брдзола* — «Борьба» — вышел в сентябре 1901 года.

Программа издания была изложена в редакционной статье «От редакции», авторство которой Сталин приписывал себе ещё в 1946 году, включив её в первый том своего собрания сочинений.

По стилю статья мало напоминала его позднейшие произведения.

Вероятно, она была написана коллективно несколькими авторами, а Джугашвили внёс в неё существенный вклад.

Ясная, простая и лишённая риторики статья не излагала общих идей социализма: редакторы считали их само собой разумеющимися.

Вместо этого они с самого начала перешли к косвенной полемике с умеренным большинством «Месаме-даси».

Редакторы объясняли причины, заставившие их прибегнуть к нелегальной печати:

Было бы большой ошибкой, если бы какой-нибудь рабочий подумал, будто легальная газета... может защищать его, рабочего, интересы. Правительство в своей «заботе» о рабочих прекрасно расправилось с легально издаваемыми газетами. К таким газетам приставлена целая стая чиновников, называемых цензорами... В цензурный комитет одна за другой поступают инструкции: «о рабочих ничего не писать», «о таком-то или таком-то событии ничего не печатать» и так далее.¹¹

Брдзола была первой свободной газетой именно потому, что освободилась от цензуры.

Ещё более характерной была политическая скромность редакторов.

Они прямо заявляли, что не стремятся вырабатывать собственную отдельную политику, поскольку грузинское рабочее движение должно быть частью рабочего движения всей России.

Следовательно, их политика неизбежно должна была подчиняться политике руководителей социализма во всей царской империи.

Это было ещё одним выпадом против большинства «Месаме-даси», склонявшегося к созданию самостоятельной грузинской партии, которая состояла бы в федерации с российской, но не подчинялась ей.

Следующий номер *Брдзолы* вышел через три месяца, в декабре 1901 года.

В нём был напечатан довольно большой неподписанный очерк «Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи».

Его автором был Джугашвили.

Статья представляла собой изложение взглядов *Искры*, и особенно самого Ленина. Однако в стиле и способе изложения, в словаре и даже в излюбленных метафорах уже безошибочно угадывался будущий Сталин.

¹¹ ^11 И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 3–10.

Через несколько десятилетий автор снова и снова повторял эти выражения в совершенно иных обстоятельствах, когда о них сообщали по всему миру и они становились частью истории.

В том, как он подчёркивал главные положения своих рассуждений, ощущалась своеобразная напористость.

Его стилю была присуща несколько утомительная повторяемость, характерная также для Ленина, и любовь к мрачным гиперболическим образам, напоминающим православную воскресную проповедь.

Много бурь, много потоков крови пронеслось над Западной Европой, чтобы положить конец угнетению большинства народа меньшинством; но страдания ещё не рассеялись, раны остались такими же болезненными, как прежде, а боль с каждым днём становится всё невыносимее.¹²

Оставив в стороне неуклюжие образы, автор затем дал краткий и доступный обзор истории социализма в Европе и России, подобный тому, который большинство социалистических пропагандистов того времени могло бы составить на основании работы Энгельса *Развитие социализма от утопии к науке* и сочинений Плеханова или Ленина.

На конкретных примерах недавних местных событий он доказывал, что Кавказ отстал от остальной России по степени социалистической зрелости.

Затем он обрушился на экономистов, желавших, чтобы рабочие боролись только за хлеб и не выступали за социализм и против самодержавия.

Экономисты были столь же близоруки, как умеренные социалисты Западной Европы, например последователи Эдуарда Бернштейна в Германии, которые верили в мелкие реформы и отказались от великого социалистического идеала.

Упоминания о спорах среди немецких социалистов основывались на сообщениях *Искры*, поскольку автор не знал немецкого языка.

Тем не менее они показывали, что он следил за течениями западноевропейского социализма, хотя сведения получал из вторых рук.

В Западной Европе, продолжал он, социалисты-реформисты могли по крайней мере утверждать, что живут при цивилизованном капитализме, «где права человека уже завоёваны».

Но как можно верить в постепенный прогресс под властью деспотического царизма?

«Только великие цели способны пробуждать великую энергию».

Это не означало, что социалисты не должны участвовать в борьбе рабочих за насущные материальные требования.

Напротив, социалистам следовало помогать этой борьбе, потому что в её ходе, какими бы мелкими ни были непосредственные цели, рабочие неизбежно собирали силы и в конце концов сталкивались с государством, представлявшим собой не что иное, как организованную силу имущих классов.

¹² Там же, с. 11

Вторая часть очерка начиналась с горького и гневного изображения угнетённой России: Под игом царизма стонет не только рабочий класс. В тисках самодержавия задыхаются и другие общественные классы. Стонет распухшее от голода русское крестьянство... Стонут мелкие горожане, низшие служащие... мелкие чиновники — одним словом, вся масса маленьких людей, существование которых столь же непрочное, как существование рабочего класса, и у которых достаточно причин быть недовольными своим общественным положением. Стонет также низшая и даже средняя буржуазия, не способная мириться с царской нагайкой и дубинкой, особенно образованная часть буржуазии...

Стонут угнетённые национальности и вероисповедания России, в том числе поляки и финны, изгнанные с родной земли и оскорблённые в самых священных чувствах. Самодержавие жестоко растоптало их права и свободы, предоставленные им историей.

Стонут непрерывно преследуемые и унижаемые евреи, лишённые даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные подданные России: права жить там, где они пожелают, права учиться и так далее.

Стонут грузины, армяне и другие народы, которые не могут иметь собственных школ, не допускаются на государственную службу и вынуждены подчиняться позорной и гнетущей политике русификации...

Стонут многие миллионы последователей русских религиозных сект, желающих поклоняться Богу согласно велениям собственной совести, а не предписаниям православных священников.¹³

Картина этой «другой», угнетённой России, подчёркнутая грубыми, но действенными повторениями, должна была внушить читателю представление об огромных возможностях приближавшейся революции.

У рабочего класса, самого революционного из всех классов, имелись союзники во множестве слоёв общества.

Однако здесь автор предостерегал читателя более трезвым тоном:

Увы, русское крестьянство всё ещё оглушено вековым рабством, нищетой и тёмным невежеством. Оно только начинает пробуждаться и ещё не поняло, где находится его враг. Угнетённые национальности России не могут даже помышлять о самостоятельном

¹³ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 21–22. Примечательна последовательность, в которой автор перечислял «стонущие» национальности. Сначала он говорил об угнетённых классах самого русского общества, затем о поляках и финнах, после них — о евреях и лишь потом, среди прочих, упоминал грузин, то есть собственный народ, завершая перечисление преследуемыми русскими религиозными сектами. Такая последовательность не была случайной. Она должна была поместить грузинскую проблему в широкую международную перспективу, в которой та представала лишь одним и далеко не самым важным частным случаем общего угнетения в масштабах империи. Подобное освещение грузинской проблемы в грузинской газете было подчёркнуто, почти вызывающе сознательным. Автор явно стремился противодействовать политической сосредоточенности на собственных национальных интересах, свойственной всякой угнетённой национальности и присущей также другим политическим группам Грузии. Обещание *Брдзолы* рассматривать грузинский социализм как органическую часть российского социализма было здесь выполнено самым тщательным образом.

освобождении, пока против них выступает не только русское правительство, но и русский народ, ещё не осознавший, что самодержавие является их общим врагом.

Но ещё более настойчиво он предупреждал о двуличии буржуазной оппозиции царизму:

Буржуазия всех стран и народов слишком хорошо умеет присваивать плоды побед, одержанных другими. Она прекрасно умеет загребать жар чужими руками. Она никогда не желала подвергать опасности своё сравнительно привилегированное положение в борьбе с могущественным врагом, победить которого ещё не так легко. Несмотря на недовольство, она всё же живёт достаточно благополучно и поэтому охотно уступает рабочему классу и простому народу право подставлять спины под казачьи нагайки, сражаться на баррикадах и так далее.

Следовательно, промышленный рабочий класс должен был взять руководство на себя.

Любая победа над самодержавием оказалась бы обманом, если бы была достигнута под руководством буржуазии, потому что после того, как рабочие и крестьяне «вытащат для неё каштаны из огня», буржуазия попрала бы их права.¹⁴

Если же самодержавие будет свергнуто народом под руководством социалистов-пролетариев, результатом станет «широкая демократическая конституция, предоставляющая равные права рабочему, угнетённому крестьянину и капиталисту».

Спустя почти полвека после написания статьи этот умеренный демократический вывод — равные права даже для капиталистов — должен был казаться несовместимым с горькими нападками автора на буржуазию.

Но подобная «непоследовательность» в то время была присуща всем русским социалистам. Они исходили из общего предположения, что Россия ещё не созрела для социализма и что в обозримом будущем революция способна добиться лишь замены феодального самодержавия демократическим капитализмом.¹⁵

Это был уже знакомый парадокс в позиции социалистов, которые, выступая против капитализма, тем не менее должны были бороться за победу капиталистической демократии в собственной стране.

Несколько лет спустя именно в связи с этим парадоксом среди них произошёл основополагающий раскол.

¹⁴ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 23. В 1939 году Сталин, пытаясь заранее оправдать готовившееся соглашение с Гитлером, говорил, что после Мюнхена западные державы хотели заставить Россию «таскать для них каштаны из огня».

¹⁵ В предисловии к своим *Сочинениям*, написанном в 1946 году, Сталин объяснял, почему в то время считал Россию не созревшей для социализма. Он «принимал тогда распространённое среди марксистов положение, согласно которому одним из главных условий победы социалистической революции было превращение пролетариата в большинство населения. Следовательно, в тех странах, где пролетариат ещё не составлял большинства населения, поскольку капитализм не получил достаточного развития, победа социализма была невозможна». См.: И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. XIV–XV.

Умеренные социалисты, или меньшевики, утверждали, что в революции, которая должна лишь заменить феодализм капитализмом, либеральному среднему классу неизбежно принадлежит первая скрипка.

Социалисты, помогая либерализму победить самодержавие и получить власть, затем должны были принять на себя роль обычной социалистической оппозиции в парламентской капиталистической республике.

Большевики же утверждали, как Джугашвили уже утверждал в 1901 году, что на буржуазный либерализм нельзя полагаться в деле свержения самодержавия.

Социалисты должны были возглавить антифеодальную революцию, даже если тем самым они лишь прокладывали путь к демократическому строю, который по своей экономической структуре продолжал бы оставаться капиталистическим.

В полной мере этот политический спор развернулся только накануне революции 1905 года. С того времени основные положения большевистской аргументации оставались неизменными вплоть до 1917 года.

Таким образом, Джугашвили, проявляя «умеренность» и демократическую ортодоксальность, заставлявшие его верить в равные права для рабочих, крестьян и капиталистов, оставался верен духу русского социализма того времени.

Удивительно, пожалуй, другое.

Уже на этом раннем этапе, за несколько лет до раскола между большевиками и меньшевиками, когда ему самому было всего двадцать два года, его мировоззрение было мировоззрением будущего большевика.

Он уже говорил языком, которым ленинизм продолжал говорить до 1917 года.

Его политические представления уже настолько выкристаллизовались, что последующие десять или пятнадцать лет изменили их лишь незначительно.

Влияние Ленина уже тогда оказалось решающим, несмотря на то что будущий основатель большевизма опубликовал лишь ранние сочинения и его влияние пока оставалось преимущественно анонимным: большинство статей и очерков появлялось под различными псевдонимами или вовсе без подписи.

Это не означает, что молодой кавказец одинаково воспринимал все стороны сложной и многогранной личности Ленина.

Некоторые заботы и идеи учителя, а тем более глубинные течения его мысли, совершенно выходили за пределы умственного кругозора ученика — и должны были навсегда остаться за этими пределами.

Но на те особенности ленинской мысли, которые он был способен понять, Джугашвили с самого начала откликался чрезвычайно живо.

Молодой автор был не только пропагандистом.

Он показал себя и техником революции, живо интересовавшимся конкретными средствами, которые могли привести партию к желаемой цели.

Он анализировал различные способы действия, их достоинства и недостатки, сравнивал эффективность забастовок, подпольных газет и уличных демонстраций.

Подпольная печать могла охватить лишь узкий круг читателей — в этом заключивалось её ограничение.

Забастовки были действеннее, но опаснее: их последствия нередко обрушивались на самих бастующих рабочих.

Наиболее эффективной формой борьбы до сих пор оставались уличные демонстрации.

Очевидно, Джугашвили имел в виду первую успешную первомайскую демонстрацию на Кавказе, в организации которой только что участвовал.

Несколько опьянённый успехом, он, возможно, переоценивал её значение.

Но в его анализе сверкнула проницательная догадка как о психологии масс, так и о механизме самоубийственной защиты царизма.

Демонстрации, организованные горсткой революционеров, утверждал он, пробуждают любопытство равнодушной публики, а «ничто не может быть опаснее для тиранической власти, чем народное любопытство».¹⁶

Уличная демонстрация овладевает вниманием нейтрального наблюдателя, который не может долго оставаться нейтральным.

Полиция жестоко разгоняет демонстрантов, и часть зрителей начинает сочувствовать жертвам угнетения.

В слепой ярости полиция не различает демонстрантов и наблюдателей: нагайка достаётся и тем и другим.

В следующем социалистическом шествии ряды участников пополняются теми, кто во время предыдущего лишь стоял и смотрел.

Даже нагайка становится нашим союзником, замечал Джугашвили.

В конце этого процесса, предсказывал он, появится «призрак народной революции».

Он был настолько уверен в этом, что решился сделать весьма конкретный прогноз: для появления «призрака» потребуется не более двух или трёх лет.¹⁷

Редко какое политическое пророчество подтверждалось столь точно.

Прошло ровно три года, и вспыхнула революция 1905 года.

Каковы бы ни были политические достоинства очерка, литературным достижением он не являлся.

В нём не было ничего научного.

В возрасте Джугашвили — двадцати двух лет — Ленин уже писал экономические и статистические исследования, которых не постыдился бы ни университетский преподаватель, ни даже профессор экономики.

Троцкий, родившийся в один год с Джугашвили, вскоре приобрёл известность как один из важных авторов *Искры*.

Статья, подобная очерку Джугашвили, едва ли попала бы на страницы *Искры*, не говоря уже о более интеллектуальном журнале *Заря*, также издававшемся Плехановым и Лениным.

¹⁶ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 26–27.

¹⁷ Там же, с. 28.

По этим меркам его очерк был слишком ученическим и подражательным, социологические рассуждения — грубыми, а стиль, хотя по-своему и энергичный, — слишком тяжеловесным и будничным.

Редакторы *Искры*, и особенно Ленин, без труда определили бы, какие именно их статьи пережёвывал провинциальный автор, и обнаружили бы целые абзацы, заимствованные им у них без малейших изменений.

Однако было бы несправедливо оценивать первые сочинения Джугашвили по меркам высокоразвитой литературной элиты русского социализма, особенно после того, как *Брдзола* скромно представилась читателям грузинским выразителем взглядов этой элиты.

По местным кавказским меркам статья Джугашвили была значительным достижением.

Современный исследователь, читающий её и помнящий позднейшие произведения автора, не может не удивляться сравнительной зрелости стиля.

Статья в *Брдзоле* относится к числу лучших вещей, написанных автором почти за полвека.

Лишь немногие его работы оказались лучше, тогда как многие значительно уступали ей и по содержанию, и по стилю.

Подробный рассказ о деятельности Джугашвили в следующие месяцы и даже годы был бы однообразным.

Теперь он вёл типичное существование преследуемого социалистического агитатора и организатора.

Его жизнь состояла из забастовок, уличных демонстраций, тайных собраний, конференций и тому подобного.

Его занятия были столь типичны для людей подобного рода, что большинство из них осталось незаписанным.

Лишь через тридцать или сорок лет исследователи направили на них свет своих прожекторов.

Тогда каждая подробность ранней деятельности Сталина стала добычей как друзей, так и врагов.

Одни стремились доказать, что даже юность великого вождя сияла необычайным величием. Другие с не меньшим усердием пытались проследить пороки злодея едва ли не до самой колыбели.

Написанные в ходе этой работы апологетические и обличительные тома почти ничего не добавили к подлинным знаниям о Сталине.

Из потока не относящихся к делу споров можно извлечь лишь несколько бесспорных фактов.

В ноябре 1901 года его официально избрали членом Тифлисского социал-демократического комитета.

Этот орган, состоявший из девяти человек, руководил социалистическими группами кавказской столицы и некоторое время фактически выполнял функции исполнительного органа для всего Кавказа.

Таким образом, Джугашвили занял удобное положение для участия в руководстве движением во всём крае.

Однако всего через две недели после повышения он уехал из Тифлиса в Батум — новый центр нефтяной промышленности на турецкой границе, лишь недавно соединённый нефтепроводом с Баку.

Центральной фигурой Тифлисского комитета был Сильвестр Джибладзе — тот самый человек, который когда-то напал на ректора духовной семинарии, а позднее стал наставником Джугашвили в социализме.

Отношения между ними были плохими.

Возможно, Джибладзе несколько покровительственно обращался со своим учеником и задевал его самолюбие.

Кроме того, он примкнул к умеренному крылу «Месаме-даси».

Политические и личные противоречия делали сотрудничество двух людей достаточно трудным.

Вероятно, отъезд Джугашвили в Батум был самым удобным решением для всех — для Джибладзе, Джугашвили и Тифлисского комитета.

Батуму требовался энергичный социалистический организатор, а младший из двух соперников должен был найти там применение своей энергии и честолюбию.¹⁸

Именно во время пребывания в этом городе на турецкой границе Джугашвили начал пользоваться псевдонимом Коба, означавшим на местном турецком наречии «Неукротимый».

Кобой звали и героического разбойника, народного мстителя из произведения грузинского писателя Казбеги, одного из любимых авторов Джугашвили в юности.

До принятия более знаменитого псевдонима Сталин революционер был наиболее известен среди товарищей как Коба.

Старые кавказские большевики продолжали называть его Кобой и много позднее.¹⁹

Батум был значительно меньше Тифлиса.

Его население составляло всего двадцать пять тысяч человек, тогда как в Тифлисе проживало сто пятьдесят тысяч.

Но как промышленный центр он быстро приобретал значение, во многом благодаря притоку иностранного капитала.

Главные нефтяные предприятия уже принадлежали концерну Ротшильдов.

В Батуме проживало более четверти всех промышленных рабочих Кавказа.

Хотя социалистическая пропаганда уже успела проникнуть в город, он пока не мог похвастаться сплочённой подпольной организацией.

Коба твёрдо намеревался восполнить этот пробел.

Через несколько недель после приезда он созвал конференцию социалистов.

¹⁸ Л. Берия, указ. соч., с. 24–25; Л. Троцкий, *Сталин*, с. 29–30.

¹⁹ А. С. Аллилуева, *Воспоминания*, с. 110.

Внешне это было всего лишь весёлое и безобидное празднование Нового года, но на нём был избран Батумский социал-демократический комитет.

Следующим шагом стало создание подпольной типографии, подобной той, которую Кецховели организовал в Баку.

Типография разместилась в маленькой комнате, служившей Кобе одновременно и жильём. По воспоминаниям одного из печатников, которые, разумеется, сами были социалистами, «набор хранился в коробках из-под спичек и папирос и на отдельных листках бумаги».

Очевидец запомнил Кобу сидящим за столом посреди типографии, пишущим листовки и передающим их наборщикам.²⁰

Время от времени Коба ездил в Тифлис, встречался с членами местного комитета, участвовал в обсуждениях и отчитывался о достижениях в Батуме.

Листовки, написанные им самим и отпечатанные в его жилище, проникали на нефтяные предприятия, погрузочные станции и фабрики.

Их воздействие вскоре проявилось в политическом брожении и трудовых конфликтах.

В секретном донесении политической полиции говорилось:

Осенью 1901 года Тифлисский социал-демократический комитет направил в Батум одного из своих членов, Иосифа Виссарионовича Джугашвили, бывшего ученика шестого класса Тифлисской семинарии, для ведения пропаганды среди фабричных рабочих. В результате деятельности Джугашвили... социал-демократические организации начали возникать на всех предприятиях Батума. Результаты социал-демократической пропаганды проявились уже в 1902 году — в продолжительной забастовке на заводе Ротшильда и в уличных демонстрациях.²¹

Во время одной из таких демонстраций Кавказский стрелковый батальон открыл огонь по толпе.

Пятнадцать рабочих были убиты, многие получили ранения.

Охранка удвоила усилия, пытаясь обнаружить подпольную типографию и социалистических агитаторов.

5 апреля 1902 года Коба был арестован на заседании Батумского комитета.

Типографию полиция не обнаружила.

²⁰ См. воспоминания С. Тодрия и Г. Каладзе в сборнике *Батумская демонстрация 1902 года*, с. 53, 73.

²¹ Полицейские донесения о деятельности Сталина см. там же, с. 177–190. Красочное описание примитивной восточной обстановки, в которой действовала Батумская организация, содержится в книге *Сталин и Хашим*, с. 14–32. Преследуемый полицией Коба переселился в абхазское селение неподалёку от Батума. Он жил в доме старого мусульманина Хашима, куда перенёс и типографию. Члены организации, приходившие за нелегальными листовками, переодевались женщинами и закрывали лица чадрами — традиционными длинными покрывалами кавказских женщин. Соседи начали подозревать неладное, и распространился слух, будто Коба занимается изготовлением фальшивых денег. Когда жители села стали требовать долю его доходов, положение сделалось опасным. Однако Кобе, по-видимому, удалось объяснить крестьянам подлинный характер своей деятельности и завоевать их доверие. Правда, ему пришлось пообещать Хашиму принять мусульманскую веру.

Он провёл в Батуме всего четыре с половиной месяца, но это были месяцы напряжённой деятельности.

Следует упомянуть один эпизод, поскольку он отбрасывал тень на будущие события.

Деятельность Кобы в Батуме вызвала резкую критику местных умеренных социалистов, возглавляемых Николаем Чхеидзе.

Чхеидзе, подобно Кобе бывший семинарист, осторожно посеял первые семена социализма на Черноморском побережье и пользовался большим уважением за широкую образованность и прекрасное ораторское искусство.

Однако позднее пропагандист, по-видимому, испугался перспективы создания действенной подпольной организации.

Он не верил, что подобная организация сможет выжить в таком маленьком городе, как Батум, где сохранить тайну было трудно, а охранка могла подавить подпольную деятельность в самом зародыше.

Планы Кобы он считал безрассудными и лично, а также через общих знакомых умолял его отказаться от них и позволить местным социалистам идти собственным путём.

Но переубедить Кобу не удалось.

Хотя противник объявил его «дезорганизатором» и «безумцем», он довёл свои планы до конца и, в свою очередь, обличал «малодушие» Чхеидзе.²²

Позднее двум грузинам предстояло встретиться в более значительных столкновениях.

Через десять лет, в 1912 году, Чхеидзе был прославленным меньшевистским оратором в Петербурге и руководителем социалистической фракции в Государственной думе — царском квазипарламенте.

Коба в это время являлся одним из руководителей подпольного большевизма и из-за кулис направлял деятельность большевистских депутатов Думы.

В 1917 году Чхеидзе стал меньшевистским председателем Петроградского совета. Когда влияние большевиков начало возрастать, его на этом посту сменил Троцкий.

Сталин же состоял членом большевистского Центрального комитета.

В революционном 1917 году два грузинских бывших семинариста вступили в борьбу в столице царей, обмениваясь выражениями, мало отличавшимися от тех, которые впервые прозвучали между ними в Батуме.

²² Л. Берия, указ. соч., с. 29; *Батумская демонстрация 1902 года*, с. 64–65, 187–190.

Глава 3 Генеральная репетиция

Сталин в Батумской тюрьме. — Царские тюрьмы как школы революционного воспитания. — Возникновение большевизма. — Ленин и первый параграф партийного устава. — В 1903 году Сталина ссылают в Сибирь. — В 1904 году он возвращается в Тифлис. — Борьба большевиков с меньшевиками. — В конце 1904 года Сталин примыкает к большевизму. — Революция 1905 года. — Петербургский совет. — Крестьянские восстания и солдатские бунты на Кавказе. — Сталин как ученик Ленина. — Выход из подполья. — Под псевдонимом Иванович Сталин участвует во Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе в 1905 году и впервые встречается с Лениным. — Первая заграничная поездка Сталина: Стокгольмский съезд 1906 года. — Разногласия с Лениным по вопросу о земельной реформе. — Боевые дружины. — Партийный съезд выступает против «экспроприаций». — Троцкий выдвигает обвинения против большевиков.

Когда в первые дни апреля 1902 года за Кобой-Джугашвили закрылись двери Батумской тюрьмы, ему не требовалось особого дара мученичества, чтобы вынести свою участь.

Царские тюрьмы при всей их дурной славе кажутся почти мягкими и гуманными поколению, узнавшему жестокости Гимmlера и Ежова, лагеря смерти Бельзен и Освенцим. Тюремный и ссыльный режим при царизме представлял собой смесь грубости и «либеральной» неразберихи. Жестокости было достаточно, чтобы ещё сильнее утвердить заключённых в ненависти к существующему строю, а беспорядочности и неэффективности — чтобы революционная работа успешно продолжалась даже за тюремными решётками.

Для многих молодых социалистов тюрьмы становились «университетами», где они могли получить основательное революционное образование, нередко под руководством опытных наставников.

Политические заключённые, как правило пользовавшиеся некоторыми «привилегиями», которых не имели уголовники, устраивали совместную жизнь на началах солидарности и взаимопомощи.

Тюрьма обычно превращалась в огромный дискуссионный клуб. Неудивительно, что некоторые бывшие узники позднее вспоминали о лёгкой грусти, которую испытывали, покидая камеру и выходя на свободу.

Коба подчинил себя строгому распорядку: рано вставал, много работал и читал, был одним из главных участников споров в тюремной коммуналке.

Спустя много лет бывшие заключённые вспоминали его полемику с аграрными социалистами и другими противниками *Искры*. В споре он был логичен, резок и презрителен.

Вне дискуссий он держался замкнуто, сохранял самообладание и сторонился остальных.

В этом почти все мемуаристы сходятся, но в других отношениях их свидетельства расходятся. Друзья запомнили его терпеливым, чутким и отзывчивым товарищем. Противники же описывают уверенного в себе спорщика как мрачного интригана, любившего поносить критиков и натравливать на них своих фанатичных последователей.¹

¹ Е. Ярославский, указ. соч., с. 31; *Батумская демонстрация 1902 года*, с. 96–97.

Из Батума Кобу перевели в тюрьму Кутаиси, а затем снова возвратили в Батум. Всего он провёл в кавказских тюрьмах более полутора лет — до конца ноября 1903 года.

У обвинения не было против него конкретных доказательств, кроме донесений агентов тайной полиции, которые обычный судья не признал бы достаточным основанием для приговора.

Подобно большинству подозреваемых, которым не могли вменить определённого преступления, Коба был в административном порядке приговорён к трёхлетней ссылке. Его должны были отправить в село Новая Уда Иркутской губернии, в Восточной Сибири.

Заключённый не мог потребовать судебной проверки законности своего ареста. Ни один закон не защищал его от произвола властей.

Пока Коба находился в тюрьме, произошли два события. Первое имело местное значение и пролиvalo некоторый свет на его положение в подполье. Второму предстояло оказать гораздо более серьёзное влияние на будущее России, мирового социализма и самого Кобы. В марте 1903 года социал-демократические группы Кавказа объединились во Всекавказскую федерацию. В отсутствие Кобы его избрали членом её исполнительного органа.

Конференции чрезвычайно редко избирали заключённого в руководящий орган — разве что его положение в подполье было настолько значительным, что организация считала необходимым, несмотря на все трудности, советоваться с ним по важнейшим вопросам прямо в тюрьме.

Позднее было написано немало работ, авторы которых пытались либо преуменьшить, либо преувеличить роль Кобы в те годы. Однако сам факт избрания позволяет предположить, что в двадцать три года он уже был своего рода «серым кардиналом» подполья родного края.

Он определённо не являлся ничем не примечательным рядовым членом и полным ничтожеством, каким изображал его Троцкий. Но не был он и «кавказским Лениным», каким представляли его агиографы: для этого его личность оставалась ещё слишком серой, хотя и достаточно заметной.

Второе, гораздо более важное событие началось в июле в задней комнате социалистического Народного дома в Брюсселе — комнате, заваленной тюками шерсти и кишевшей блохами, — а завершилось во второй половине августа в Лондоне.

В Брюсселе наконец собрался подготовленный искровцами Всероссийский съезд социал-демократов.

Фактически это был первый настоящий съезд русских социалистов, хотя из уважения к неудачному собранию 1898 года в Минске историки называли его Вторым съездом.

Через несколько дней делегаты заметили, что за их передвижениями внимательно следят царские агенты, и съезд спешно перенесли из Брюсселя в Лондон.

Делегаты надеялись завершить дело *Искры* и окончательно создать общероссийскую партию.

Однако этого не произошло, поскольку именно на съезде начался раскол русского социализма на две фракции — большевиков и меньшевиков, революционеров и умеренных, или «твёрдых» и «мягких», как их называли вначале.

Заседание искровцев, на котором произошли первые столкновения, проходило под председательством двадцатитрёхлетнего Троцкого: старшие руководители не смогли договориться о другой кандидатуре.

Через четырнадцать или пятнадцать лет начавшийся тогда раскол потряс Европу и весь мир не менее сильно, чем другой раскол, начатый Мартином Лютером четырьмя столетиями ранее.

Однако его начало выглядело чрезвычайно незначительным.

Виттенбергский собор был, несомненно, менее нелепой декорацией для рождения Реформации, чем кишевшие блохами тюки шерсти в брюссельском Народном доме — для рождения большевизма.

Лютер бросил вызов папству в девяноста пяти тезисах, прибитых к двери собора. Первоначально вызов Ленина заключался в одной короткой фразе небольшого параграфа. Если Лютер был удивлён, но вместе с тем ободрён силой сопротивления своим идеям, то Ленин оказался настолько потрясён вызванным им расколом, что сразу после съезда перенёс нервное расстройство.²

Утверждают, что тезисы Лютера стали известны по всей Германии через две недели после опубликования. Первый параграф ленинского партийного устава ещё долго оставался неизвестен широкой публике.

И всё же шар, пущенный им по дорогам истории в июле — августе 1903 года, продолжает катиться.

Первый параграф устава должен был определить, кого считать членом партии.

На первый взгляд он не затрагивал ни принципиальных, ни даже тактических вопросов. Съезд приступил к его обсуждению как к чисто организационной проблеме уже после того, как согласовал общую программу и тактические резолюции.

Перед делегатами лежали два проекта.

Формулировка Ленина гласила:

Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, кто принимает её программу, поддерживает партию материальными средствами и лично участвует в одной из её организаций.

В проекте Мартова слова «лично участвует в одной из её организаций» были заменены словами «лично и регулярно содействует ей под руководством одной из её организаций».³

На первый взгляд обе формулы были почти одинаковыми, а весь спор напоминал изощрённое упражнение в казуистике.

Но за препирательством скрывались два различных и даже противоположных представления о характере и устройстве партии.

² Н. Крупская, *Воспоминания о Ленине*, с. 72–80; Л. Троцкий, *Моя жизнь*, с. 154.

³ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 7, с. 55–69; Ф. Дан, *Происхождение большевизма*, с. 266–268.

Ленин настаивал, что членами партии и обладателями формального права влиять на её политику должны считаться лишь люди, постоянно работающие в подпольной организации. Он не хотел включать в партию разрастающуюся среду сочувствующих и попутчиков — как интеллигентов, так и рабочих.

Члены подпольной организации должны были стать солдатами революции, добровольно подчинившимися её дисциплине и готовыми действовать по приказам и указаниям центрального руководства.

На попутчиков нельзя было рассчитывать как на стойких и надёжных солдат революции. Они представляли собой её бесформенный и колеблющийся гражданский резерв.

В ленинском представлении партия должна была быть сплочённым, тесно связанным и строго централизованным организмом, обладавшим неизменной ударной силой.

Если принять в неё неустойчивую периферию непостоянных сочувствующих, её сила рассеется, а ударная мощь притупится.

Ленин утверждал, что именно такая опасность скрывается в расплывчатой формуле Мартова, требовавшей от членов лишь «содействия под руководством организации» вместо дисциплинированной работы внутри самой организации.

Партия должна была стать орудием революции.

Пока предметом спора была лишь форма этого орудия.

Обе стороны считали само собой разумеющимся, что одинаково понимают характер будущей революции.

Правда, ещё до съезда редакторы *Искры* смутно ощущали расхождения во взглядах. В полушутку они называли друг друга «твёрдыми» и «мягкими».

«Твёрдость» Ленина не вызывала сомнений.

«Из такого материала делают Робеспьеров», — заметил Плеханов о своём бывшем ученике, теперь явно претендовавшем на руководство вопреки старой гвардии.

Столь же очевидной была «мягкость» Мартова.

Однако до сих пор подобные различия считали естественными расхождениями в характере и темпераменте людей, работавших ради общей цели. Эти различия ещё не успели превратиться в определённые политические противоречия.

На съезде сами участники были удивлены и встревожены страстностью спора.

Они чувствовали, что темперамент увлекает их гораздо дальше, чем можно было оправдать разумными доводами.

Они утешали себя мыслью, что за неожиданным шквалом снова наступит ясная погода, а небольшую трещину в единстве легко удастся заделать.

В непосредственном споре о первом параграфе устава Ленин потерпел поражение. Проект Мартова был принят двадцатью восемью голосами против двадцати трёх.

Ленин воспринял неудачу спокойно:

Я не думаю, — сказал он, — что наши разногласия настолько значительны, чтобы от них зависели жизнь или смерть партии. Едва ли мы погибнем из-за одного неудачного параграфа устава.⁴

Казалось, все действующие лица испугались собственных ролей и приняли пролог драмы за её эпилог.

Новый шквал разразился ближе к концу съезда, когда делегаты приступили к избранию руководящих органов партии и редакции *Искры*.

Неожиданно кандидаты Ленина были избраны, а кандидаты Мартова потерпели поражение. Результат голосования в значительной степени оказался случайным. Некоторые из более «мягких» делегатов покинули съезд, и в выборах участвовали лишь две трети первоначального состава.

Кандидаты Ленина получили большинство всего в два голоса: девятнадцать против семнадцати при трёх воздержавшихся.

Ленин настаивал на законности голосования, на что имел полное формальное право.

Но «меньшинство» отказалось признать поражение.

С этого времени сторонников Ленина стали называть представителями большинства — большевиками.

Так в политический словарь вошёл несколько неуклюжий термин «большевизм», в котором космополитический суффикс плохо сочетался с русским корнем.

Последователи Мартова стали людьми меньшинства — меньшевиками.

Новые «измы», отражавшие не принципиальные различия, а случайную арифметику единственного голосования, словно были придуманы для обозначения поверхностного и временного разделения.

В действительности они обозначили пропасть, которой предстояло расколоть движение сверху донизу.

После съезда меньшевики отказались признавать власть большевистского Центрального комитета и объявили ему бойкот.

Ленин настаивал на буквальном выполнении решения съезда.

Большинство, избравшее его кандидатов, утверждал он, было законным, а Центральный комитет являлся легитимной верховной властью партии. Бойкот меньшевиков был проявлением недопустимого индивидуализма и анархизма, с которым нельзя мириться.

На этой почве вновь, и с ещё большей силой, разгорелся спор о характере и устройстве партии.

Меньшевики протестовали против «осадного положения», которое Ленин вводил в партии, и против самого его представления о том, какой должна быть партия.

Они обвиняли его в навязывании социалистическому движению безжизненной казарменной дисциплины.

⁴ Ф. Дан, указ. соч., с. 281; *Второй съезд РСДРП*, с. 278.

Постепенно поле спора расширялось, хотя даже Ленину потребовалось немало лет, чтобы осознать все его последствия.

Вскоре, по крайней мере, стало ясно следующее: разные взгляды на организацию отражали разные подходы к важнейшим вопросам революции.

Меньшевики представляли партию как достаточно широкую и потому несколько рыхлую организацию, которая должна стремиться охватить рабочий класс и социалистическую интеллигенцию и в конечном счёте слиться с ними.

Такое представление основывалось на убеждении, что социализм настолько естественно соответствует интересам пролетариата, что весь пролетариат можно рассматривать как потенциальную социал-демократическую партию.

По мнению Ленина, это было наивно.

Он видел рабочий класс огромной неоднородной массой, разделённой различиями происхождения и мировоззрения и расколотой групповыми интересами.

Не все слои пролетариата, по его мнению, могли достичь высокой степени социалистической сознательности. Некоторые глубоко погрязли в невежестве и суевериях. Если партия попытается охватить весь пролетариат или хотя бы большую его часть, она станет столь же неоднородной, как он сам.

Она вобрала бы не только его силу, но и слабость, не только социалистические стремления, но и невежество, не только надежды, но и отсталость.

Она превратилась бы в пассивное отражение рабочего класса, вместо того чтобы стать его вдохновителем, руководителем и организатором.⁵

Ленин считал неразумным полагаться на стихийное стремление рабочих к социализму, поскольку собственными силами они способны дойти лишь до простого тред-юнионизма, вполне совместимого с капиталистическим строем.

Ссылаясь на признанного знатока марксистского учения Карла Каутского, Ленин снова и снова подчёркивал, что социализм был внесён в рабочее движение извне буржуазными интеллигентами — Марксом, Энгельсом и другими.

Это доказывало, что нельзя рассчитывать на «врождённый» социализм масс.

Партия должна была стать отборной организацией, объединяющей только наиболее просвещённые и мужественные слои рабочего класса — его настоящий авангард, не уклоняющийся от решительных и дисциплинированных действий.

Меньшевикам это казалось зловещим повторением бланкизма — учения предводителя Парижской коммуны, полагавшего, что революцию можно совершить лишь прямым действием небольшого заговорщического меньшинства, не считаясь с волей большинства. Для всех марксистов бланкизм был предан анафеме, и Ленин стремился снять с себя такое обвинение.

Он объяснял, что революция, по его мнению, может победить лишь в том случае, если её желает и поддерживает большинство народа. В этом он отличался от Бланки.

⁵ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 6, с. 456–459.

Но большинство должно быть ведомо активным и прекрасно организованным меньшинством. В этом он расходился с меньшевиками и западноевропейскими социалистами, такими как Каутский и Роза Люксембург, поддерживавшими меньшевиков. Отыскивая более далёкую историческую аналогию, меньшевики, и особенно Троцкий, вначале выступавший их энергичным выразителем, обличали ленинский «якобинизм».

Ленин не обиделся на это определение.

Он даже принял его с некоторой гордостью, заметив лишь, что якобинцы являлись партией низших слоёв среднего класса, мелкой буржуазии, тогда как он был пролетарским социалистом.

Но разве не якобинцы совершили Французскую революцию?

И разве не странно революционерам считать слово «якобинизм» оскорблением?

Ленин пришёл к выводу, что его критики — всего лишь современные жирондисты, подражатели робких соглашателей, которых революции пришлось смести, чтобы достичь своей якобинской вершины.⁶

В этот момент история словно вторглась в спор, бушевавший на страницах небольших брошюр и малоизвестных «сектантских» изданий.

Троцкий поспешил напомнить Ленину, что история якобинцев не завершилась торжеством революции и что её эпилогом стало взаимное истребление якобинских вождей.

«Якобинцы отрубали людям головы, — писал Троцкий в 1903 году, — а мы хотим просвещать человеческие умы социализмом».

Якобинско-большевистская тактика в конце концов приведёт к тому, что всё международное пролетарское движение будет предано революционному суду по обвинению в соглашательстве. Львиная голова Маркса первой покатится под ножом гильотины.

Ленину это казалось пустой и высокопарной риторикой.

Его не впечатляли умозрительные картины отдалённой послереволюционной эпохи.

Весь его динамический ум и воля были направлены на более близкую задачу — подготовку самой революции и создание необходимых для неё орудий.

Троцкий и другие меньшевики не могли предложить удовлетворительной альтернативы ленинскому проекту партии. А партия, которую представляли себе они, никогда не смогла бы совершить революцию.

В течение следующего, 1904 года по всей России ощущались первые толчки политического землетрясения.

Царизм потерпел первые поражения в войне с Японией, начавшейся в феврале.

Ободрённый событиями буржуазный либерализм открыто потребовал покончить с самодержавием и установить конституционную монархию.

Как должны были поступить социал-демократы?

⁶ Н. Троцкий, *Наши политические задачи*, с. 90–102; В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 7, с. 353.

Меньшевики утверждали, что обязаны поддержать буржуазный либерализм в борьбе против самодержавия, поскольку в «буржуазной» революции — то есть антифеодальной, но не антикапиталистической — среднему классу в любом случае предназначено руководить.

Ленин возражал против какого-либо союза с буржуазными либералами, не говоря уже о признании их руководства.

Вновь обретённая смелость либералов была обманчивой.

Они, предсказывал Ленин, не станут долго и последовательно сопротивляться самодержавию, потому что боятся революции не меньше самого царизма.

Рабочий класс, то есть социалисты, должен взять руководство в свои руки, даже если революция не приведёт к социализму.⁷

На этом этапе все вопросы тактики и даже принципов оказались брошены в плавильный котёл.

Раскол становился глубже, шире и ожесточённее.

На Втором съезде Ленин выиграл первый раунд, но вскоре проиграл следующий.

Он с таким фанатичным упорством держался своих взглядов и столь беспощадно сражался с противниками, что не сумел увлечь за собой ни союзников, ни даже собственных последователей.

Меньшевистские мятежники отказались идти в Каноссу и продолжали бойкотировать большевистский Центральный комитет и редакцию *Искры*.

Плеханов, поддержавший Ленина на съезде, теперь стремился пойти навстречу меньшевикам.

Сам бойкотируемый Центральный комитет чувствовал себя неуютно со своей формальной властью и отказывался навязывать её сопротивлявшимся членам партии.

Ленин оказался почти в полном одиночестве.

Он покинул редакцию *Искры*, оставив газету в руках меньшевиков.

Тем самым он свёл на нет значительную часть первоначального успеха, поскольку большинство нитей, связывавших руководство с российским подпольем, находилось у *Искры*.

Но, упустив возможности сразу после съезда, когда формально обладал сильными позициями, Ленин не был обескуражен изоляцией.

Напротив, его энергия возросла, и он словно снова обрёл всю свою тактическую изобретательность, хотя оказался почти один, покинутый друзьями и осмеянный противниками.

Он перенёс центр тяжести борьбы в российское подполье.

Ленин обратился к местным комитетам, призывая их выступить против меньшевиков и тех большевиков, которые стремились к примирению с ними.

⁷ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 9, с. 32–48, 74–85; Ф. Дан, указ. соч., с. 358–362.

Пока колонии русских эмигрантов в Западной Европе кипели новыми спорами, Кобу-Джугашвили переводили из одной тюрьмы в другую, пока в ноябре 1903 года не отправили в Новую Уду.

Прежде чем этап ссыльных под охраной жандармов покинул Черноморское побережье и отправился в долгий унылый путь сквозь сибирскую зиму, Коба, возможно, уже слышал первые смутные известия о расколе.

До Новой Уды он добирался более месяца. В пути этап часто останавливался, чтобы принять новых ссыльных.

Чем дальше они продвигались на восток, тем сильнее ощущали дыхание приближавшейся Русско-японской войны.

Воздух был слишком насыщен возбуждением и тревогой, чтобы Коба мог смириться с перспективой на три долгих года оказаться отрезанным от политики.

Едва прибыв на место ссылки, он начал готовить побег.

В предвоенной неразберихе бдительность властей вблизи маньчжурской границы ослабла.

Подполье могло организовывать массовые побег.

5 января 1904 года Коба отправился обратно через занесённые снегом пространства нынешнего крупного промышленного района Кузнецкого бассейна, в то время представлявшего собой безжизненную пустыню.

Крестьянская повозка везла его на запад, к Уралу.

В пути он получил обморожение, но к концу января или началу февраля 1904 года сумел вновь появиться в Тифлисе.

К этому времени сведения о происшедшем на съезде достигли кавказской организации.

Из Лондона вернулись трое кавказских делегатов, поддержавших Ленина.

Естественно, в их рассказах большевики представляли в благоприятном свете.

За Лениным последовал и Леонид Красин, будущий дипломат.

Он обладал огромным влиянием на Кавказе. Будучи выдающимся инженером и занимая высокие руководящие должности в промышленности, он мог незаметно оказывать подполью ценную помощь.

Незадолго до возвращения Кобы из Сибири Тифлис посетил один из самых молодых ленинских сторонников — Лев Каменев, который также занимался привлечением сторонников.

Однако первоначальный успех большевизма на Кавказе был быстро утрачен.

Именно Красин возглавил большевиков-примиренцев, выступавших против Ленина.

Он не хотел допустить, чтобы раскол разрушил молодую организацию, и продолжал руководить её повседневной деятельностью так, словно никакого разделения не произошло. К великому негодованию Ленина, Красин передал меньшевикам, теперь руководившим *Искрой*, большую и хорошо оборудованную бакинскую подпольную типографию, в которой печаталась газета.

В рядах меньшевиков примиренцы и непримиримые также находились в состоянии ожесточённой борьбы.

Таким образом, возвратившийся Коба сразу оказался среди запутанного и непрерывно менявшегося множества фракций и подфракций.

Очертания спора размывались раздражающим процессом постоянного дробления.

Его первая реакция на большевизм не могла не быть неопределённой.

Много лет спустя официальные биографы утверждали, будто благодаря апостольской прозорливости он поддержал Ленина ещё до сибирской ссылки.

Эту версию оспаривал Троцкий, утверждавший, что первоначально Коба был меньшевиком.⁸

В действительности ничто не указывает ни на то, что Сталин когда-либо являлся меньшевиком, ни на то, что он объявил себя большевиком сразу после раскола.

Вероятно, вначале он воздерживался от присоединения к какой-либо группе, пытаясь разобраться в фактах и их значении среди тумана противоречивых сообщений.

Его колебания, если этим словом можно правильно описать его состояние, продолжались недолго.

Через несколько месяцев после побега из Сибири он решил поддержать Ленина.

К концу 1904 года он уже ревностно агитировал за большевизм.

Первым его журналистским выступлением по поводу раскола стала статья «Класс пролетариев и партия пролетариев», написанная по-грузински в конце года и опубликованная 1 января 1905 года в газете *Пролетариатис брдзола* — «Борьба пролетариата».⁹

Это издание, выходившее несколько чаще одного раза в квартал, заменило *Брдзолу*, на страницах которой он дебютировал тремя годами ранее.

Статья представляла собой изложение знаменитой ленинской брошюры *Шаг вперёд, два шага назад*.

Сталин определял партию как «боевой отряд руководителей». Отсюда он заключал, что партия неизбежно должна быть численно меньше рабочего класса, превосходить его по сознательности и опыту и отличаться большей организованностью и сплочённостью.

«Партия борющегося пролетариата не есть случайное скопление лиц, а стройная централизованная организация».

«Единство программных, тактических и организационных взглядов является той почвой, на которой строится наша партия. Если разрушается единство взглядов, разрушается и партия».

Одного пассивного принятия партийных взглядов было недостаточно.

Не было недостатка в болтунах и пустословах, готовых принять любую программу.

Но битвы рабочего класса не могли быть выиграны одиночками.

⁸ Л. Троцкий, *Сталин*, с. 50. Это утверждение Троцкий основывал на единственной фразе из полицейского донесения 1911 года. Донесение содержит неточности и в других вопросах. Например, в нём утверждается, что Сталин вступил в социал-демократическую партию лишь в 1902 году

⁹ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 62–73.

«До сих пор наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, готовую принять всех сочувствующих».

«Теперь мы окончательно превращаемся в крепость, двери которой открываются только для достойных».

Как отличалась эта крепость от социалистического пиршественного зала, столь нравившегося меньшевикам!

Всё рассуждение и даже образы Коба заимствовал у Ленина.

Лишь в одном отношении он проявлял большую самостоятельность: в уже знакомом по его первым работам требовании абсолютного единомыслия внутри партии.

Он сознавал, что выражается более решительно и определённо, чем сам Ленин, но был уверен, что лишь расставляет точки над «и» в полном соответствии с ленинскими намерениями.

Меньшевики, писал он:

Говорят только о принятии программы как условии членства. О тактике и организации они не произносят ни слова. Между тем единство взглядов по вопросам тактики и организации столь же необходимо для единства партии, как единство взглядов по программным вопросам.

Нам скажут, что ленинская формула также этого не упоминает. Верно. Но Ленину не требовалось говорить об этом в своей формуле. Разве не понятно, что тот, кто работает в одной из партийных организаций, борется вместе с партией и подчиняется её организации, не может следовать иной тактике или иным организационным принципам, чем принятые партией?¹⁰

Автору не приходило в голову, что люди могут состоять в партии, принимать её программу и дисциплину, но при этом расходиться с ней по второстепенным вопросам тактики или организационных методов.

Предложенный им идеал уже отдавал той «монолитной» ортодоксией, в которую большевизму предстояло превратиться после победы — во многом под руководством самого Кобы.

Однако «монолитность» ещё принадлежала будущему.

Даже Ленин не считал раскол неисправимым.

Он всё ещё надеялся на последующее объединение фракций и полагал, что в широких рамках партии найдётся место различным оттенкам мнений, если объединяющие начала — общность принципов, централизация и добровольно принятая дисциплина — окажутся достаточно сильными.

Летом 1904 года в Тифлис возвратился молодой соратник Ленина Каменев, недавно освобождённый из московской тюрьмы.

Хотя он был на три года моложе Кобы, он уже успел увидеть и узнать гораздо больше.

¹⁰ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 71.

За его плечами были революционная деятельность в Московском университете, поездки в Женеву, Париж и Лондон, работа за границей под личным руководством Ленина и споры с ведущими деятелями *Искры*.

Он не мог не оказать на Кобу определённого влияния.

Теперь ему поручили подготовить областную конференцию кавказских большевиков. Подобные конференции созывались также в Северной и Южной России.

По неизвестным причинам Коба не участвовал в кавказской конференции, состоявшейся в ноябре.

Три областные конференции избрали Всероссийское бюро большевиков, возглавляемое будущим председателем советского правительства Алексеем Рыковым и будущим народным комиссаром иностранных дел Максимом Литвиновым.

Это бюро должно было служить ленинским противовесом колеблющемуся Центральному комитету.

Теперь Ленин мог утверждать, что его непримиримую позицию по отношению к меньшевикам поддерживают подпольные работники в России.

Он предложил созвать новый съезд, который положил бы конец сохранявшейся двусмысленности.

Большевики-примиренцы согласились с предложением.

Кобу привлекли к кампании за созыв съезда, занявшей конец этого и начало следующего года.

Общие причины привлекательности большевистской тактики для Кобы достаточно очевидны.

По темпераменту он принадлежал к «твёрдой» разновидности революционеров. Мягкость в любой форме не входила в число его особенностей.

Ленинские идеи нравились ему сами по себе.

Они были ясными, чёткими и острыми — именно такими, какие он любил.

Кроме того, одна сторона ленинизма уже тогда успокаивающе действовала на его внутреннее умственное и эмоциональное напряжение.

Меньшевизм, казалось, преуменьшал и даже унижал роль таких людей, как он, тогда как большевизм её возвышал.

В ленинской концепции профессиональный революционер — преследуемый, бедно живущий агитатор и организатор, целиком посвятивший себя движению, — был «солью земли».

Именно он постоянно вносил подлинный социализм в стихийное рабочее движение.

Комитетчики типа Кобы были избранниками революции.

Нетрудно представить, сколько уверенности и гордости должна была дать теория Ленина Кобе, который не имел признанного положения в официальном обществе и не мог играть блестящей роли даже в подполье.

Он, вероятно, нуждался в некоторой психологической компенсации.

И вот появилась теория, согласно которой он воплощал не что иное, как высокий принцип организованности, противостоящий всепроникающему хаосу.

В зеркале ленинской идеи он мог увидеть себя Атлантом, на плечах которого покоилось будущее человечества.

Подполье начинало создавать собственный аппарат, иерархию и бюрократию.

Без них не могли обойтись ни меньшевики, ни большевики.

Эта иерархия ничем не уступала аппарату любой нормальной респектабельной западноевропейской партии.

В некоторых отношениях — в идеализме, преданности делу и даже образованности — она его превосходила.

Но в меньшевистской модели партии для неё не существовало определённого места и роли.

В теории, хотя вовсе не в действительности, она ставилась в один ряд со всеми остальными — «каждым забастовщиком и каждым социалистически настроенным интеллигентом».

Мартов был идеологом и литератором, а не главой какой-либо иерархии.

Иначе обстояло дело с Лениным.

Не уступая соперникам как идеолог и пропагандист, он уже в те ранние годы одновременно являлся главой революционной администрации.

Он ощущал себя таковым и вёл себя соответственно, без стеснения и внутренних запретов.

Ленин ясно очертил рамки этой администрации и возвёл её деятельность в область идеала.¹¹

Поэтому в горячем отклике Кобы на позицию Ленина присутствовала и неосознанная благодарность за нравственное повышение в чине.

Пока социалистическое подполье разрывалось спорами, а фракции изнемогали от полемического неистовства, они почти не заметили начала первой русской революции.

Большевики готовили новый съезд, который предполагалось провести в Лондоне в апреле 1905 года.

Покинув *Искру*, Ленин наконец сумел начать выпуск в Женеве нового издания — *Вперёд*.

Меньшевики объявили, что будут бойкотировать съезд и созовут собственную конференцию.

Тем временем Русско-японская война завершилась падением Порт-Артура и поражением России.

9 января 1905 года по старому православному календарю огромная толпа рабочих во главе со священником Гапоном направилась к Зимнему дворцу в Петербурге, чтобы вручить царю петицию.

Шествие задумывалось как мирное.

Его участники верили в царя и полагали, что дурные советники скрывают от него правду о бедственном положении народа.

Тон петиции был жалобным и робким.

¹¹ «Следует всё выше, выше и выше поднимать звание и значение члена партии», — завершил Ленин на съезде речь о первом параграфе устава. См.: В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 6, с. 459. Позднее он добавил: «Мы должны были создать сплочённое, честное искровское министерство». Там же, т. 7, с. 65.

Верноподданнический характер демонстрации подчёркивали многочисленные иконы и портреты царя, которые несли участники.

Царская гвардия встретила их пулями.

Залпы по толпе стали сигналом к революции.

По всей стране распространились забастовки.

Революционеры убили великого князя Сергея, одного из руководителей придворной камарильи.

Первая волна забастовок ещё не успела утихнуть, как в разных частях страны вспыхнули крестьянские восстания.

Лихорадка перекинулась на окраины империи.

Забастовки в польской Лодзи привели к вооружённому восстанию, продолжавшемуся почти неделю.

Улицы и площади Варшавы и Одессы покрылись баррикадами.

В Одесском порту к восстанию присоединился экипаж броненосца *Потёмкин*.

В некоторых городах забастовщики избрали советы рабочих депутатов — первые Советы, возникшие из водоворота народного движения.

Поколебленный царь пошёл на уступку и пообещал созвать Думу — совещательное собрание, в котором, однако, рабочие не должны были иметь представителей.

Против царского указа выступили все оппозиционные партии — от либералов до большевиков.

В октябре всеобщая забастовка распространилась из Москвы и Петербурга по всей стране. Остановились все железные дороги.

Петербургские забастовщики избрали Совет рабочих депутатов — Петербургский совет, вскоре ставший самым заметным центром революции.

На короткое время он превратился в фактического соперника официальной администрации: его распоряжениям и указаниям повсеместно подчинялись.

Совет призвал страну прекратить уплату налогов царскому правительству.

Его члены вместе с молодым председателем Львом Троцким были арестованы.

Вспыхнули новые забастовки, достигшие кульминации в декабрьском восстании в Москве — подлинной вершине Первой революции.

Восстание потерпело поражение, после чего революция начала идти на убыль.

Она ещё была способна собираться с силами, но после каждого нового подъёма становилась слабее, пока окончательно не исчерпала свой порыв.

На протяжении всего 1906 года и даже части 1907 года брожение оставалось настолько сильным, что немногие политические руководители замечали действительный спад движения.

Почти все социалисты ожидали новой кульминации революции.

Однако царь, постепенно возвращая уверенность, стал отнимать полулиберальные уступки, сделанные им в первые минуты паники.

Государственный переворот 3 июня 1907 года обозначил конец революции.

В этот день новый председатель Совета министров Столыпин распустил Вторую думу и арестовал пятьдесят пять её депутатов — всех социал-демократов.

В последующие годы Ленин назвал революцию 1905 года «генеральной репетицией» переворота 1917 года.

Как же, возникает вопрос, вели себя главные исполнители 1917 года во время этой генеральной репетиции?

Как они сыграли свои роли и с каким успехом?

Ответ удивителен: большинство главных исполнителей вообще не появилось на сцене.

Будущий исполнитель главной роли — сам Ленин — довольствовался положением суфлёра, находившегося так далеко от сцены, что настоящие актёры едва слышали его голос.

Пока прилив революции поднимался, он оставался в женеvской эмиграции.

Лишь в конце октября 1905 года, почти через десять долгих месяцев после петербургского шествия, он покинул Швейцарию.

Когда Ленин наконец приехал в Петербург, великая всеобщая забастовка уже завершилась, а ход событий определился.

Революция приближалась к следующей, последней и безнадёжной кульминации — Московскому восстанию.

Великий архитектор революции уже почти ничего не мог сделать.

Что удерживало Ленина вдали от России в решающие месяцы?

Он имел все основания ожидать, что царская полиция начнёт преследовать его после возвращения, как и произошло в ноябре, когда он появился в Петербурге.

Но едва ли именно поэтому Ленин откладывал отъезд из Швейцарии.

Он понимал своё значение для революции и не мог сомневаться, насколько важно находиться рядом с местом событий.

Вернувшись, он руководил последователями из подпольного убежища. То же самое он мог сделать гораздо раньше.

Неужели он не понял в полной мере значения событий, которых так долго ожидал и которые сам предсказывал?

По-видимому, он ещё недостаточно ясно осознавал значение времени в революции.

Вероятно, ему казалось, что процесс будет гораздо более продолжительным, что кульминация ещё не близка, а переход от прилива к отливу не окажется таким резким, каким стал в действительности.

Этого заблуждения он придерживался даже после того, как течение уже определённо повернулось вспять.

Тем временем Ленин стремился использовать время, чтобы разработать революционную тактику, внушить её сторонникам, научить их искусству восстания и так далее.

Он всё ещё ставил опыты в лаборатории революционной политики, когда революция, не дожидаясь результатов его работы, постучалась в дверь.

Какая дилемма для учёного и практика революции!

С одной стороны, Ленин видел, что всё движение в России носит стихийный характер, приводится в движение множеством случайных толчков, не имеет согласованности, формы и руководства.

Он не доверял стихийности.

Он хотел подготовить партию к руководству и считал, что сможет этого добиться, лишь заставив её отказаться от меньшевистских представлений.

И всё же у него было бы больше возможностей повлиять на события, выйди он из швейцарского уединения в начале года.

Молодой Троцкий — единственный из эмигрантских руководителей, поспешивший на поле боя при первой возможности, — стал главным вождём Первой революции.

К тому времени, когда Ленин ступил на русскую землю, Троцкий уже готовился стать председателем Петербургского совета.

После 1905 года Ленину, вероятно, не раз приходилось размышлять об упущенных возможностях.

Когда представился следующий случай, он решил его не упустить.

В 1917 году Ленин не колебался отправиться через кайзеровскую Германию, воевавшую тогда с Россией, чтобы появиться в русской столице на раннем этапе Второй революции.

Относительная неудача Ленина на «генеральной репетиции» не была исключением.

Ни один из великих руководителей меньшевизма или менее значительных деятелей большевизма не проявил себя лучше.

Мощная волна 1905 года неслась вперёд, оставив Плеханова, Мартова, Аксельрода и других на мели.

Кроме Троцкого, руководителями 1905 года стали безымянные рядовые, вынесенные вперёд народным воодушевлением или негодованием, но почти не имевшие революционной подготовки и практических навыков.

Деятельность Троцкого больше всего напоминала ту роль, которую ему предстояло сыграть в 1917 году, снова в качестве председателя Петербургского совета.

Но ничто не подчёркивает «незрелость» Первой революции сильнее, чем различие между его ролями в 1905 и 1917 годах.

В Первой революции он наложил отпечаток на события как отдельная личность, стоявшая почти в одиночестве.

В 1917 году его огромные личные способности опирались на прочную силу большевистской партии, к которой он к тому времени присоединился.

В 1905 году он растрачивал силы в блестящих фейерверках ораторского искусства и несколько театральных жестах революционного неповиновения.

Они не имели непосредственного практического результата, хотя поражали воображение масс и тем самым помогали делу.

Когда казаки и жандармы окружили заседавший Петербургский совет, именно Троцкий приказал вооружённым членам совета сломать затворы револьверов и сдаться, поскольку вооружённое сопротивление было безнадёжно.

Его вдохновенная речь на царском суде, прославлявшая революцию и провозглашавшая её право на вооружённое восстание, запала в сознание многих рабочих и стала одним из семян следующей революции.

Но во всём этом всё ещё оставалось много вдохновенного дилетантизма.

Такого дилетантизма уже не было у Троцкого 1917 года, когда Петербургский совет под его председательством не ломал символически затворы револьверов, а возглавил успешное Октябрьское восстание.

Как же проявил себя Коба-Джугашвили в этом «году революционного безумия»?

На протяжении всего периода он не играл общенациональной роли.

Он оставался одним из провинциальных кавказских руководителей.

Однако Кавказ был чрезвычайно важным центром революции.

Иногда эта провинция служила примером остальной империи. Именно Кавказ последним признал поражение, когда началась контрреволюция, а остальная Россия уже погружалась в апатию.

В декабре 1904 года, за несколько недель до шествия к Зимнему дворцу в Петербурге, упорная и продолжительная забастовка бакинских нефтяников закончилась заключением коллективного договора между рабочими и предпринимателями.

Это был первый коллективный договор, подписанный в России.

Промышленникам пришлось вести переговоры с комитетом людей, фактически находившихся вне закона, — подпольными руководителями забастовки.

В известном смысле бакинские события стали настоящим прологом революции.

В момент начала забастовки Коба как раз ездил по краю с лекциями против меньшевиков, анархистов, федералистов, армянских дашнаков — полунационалистов и полусоциалистов — и других.

Он прервал поездку и поспешил в Баку.

Сам руководить забастовкой он не мог, поскольку пробыл в городе лишь несколько дней.

Но его советы, несомненно, имели вес для руководителей.

В Баку и во время поездок по краю, где призванные в армию новобранцы протестовали против мобилизации, у него возникло сильное предчувствие грядущих событий.

Держа ухо у самой родной земли, он не пропустил первых раскатов революции.

Уже 8 января 1905 года, накануне Кровавого воскресенья в столице, Кавказский союз социал-демократов выпустил прокламацию под заголовком «Рабочие Кавказа, настал час мести».¹²

Её автором был Коба.

Он утверждал, что царское самодержавие теряет свою главную опору — верных воинов», то есть армию, которая, как он считал, поворачивается против правительства.

Он переоценивал силу движения.

¹² И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 74–80.

Одной из причин, позволивших царизму выдержать потрясение Первой революции и уцелеть, была именно верность его «воинов».

В целом армия по-прежнему позволяла использовать себя против революционного народа. Восемь или девять солдат из десяти были мужиками, и отношение армии отражало этот факт: крестьянство не поддерживало революцию всем сердцем.

Ошибку Кобы легко объяснить особыми условиями Кавказа.

В родной Грузии положение крестьян было гораздо тяжелее, чем в остальной России.

Земельный голод ощущался намного острее, а крестьянские восстания и солдатские бунты происходили чаще, чем в других местах.¹³

И в других отношениях Коба был склонен преувеличивать трудности царизма.

Он предсказывал, что правительство вскоре обанкротится, поскольку утрачивает кредит в Западной Европе.

В действительности биржа республиканской Франции щедро предоставляла займы, позволившие царю несколько привести финансы в порядок.

Коба предупреждал читателей, что царизм «меняет кожу, подобно змее», и в панике собирается на время отложить нагайку и бросить народу несколько подачек.

Но:

Настало время уничтожить царское правительство, и мы его уничтожим... Россия подобна заряженному ружью со взведённым курком, готовому выстрелить от малейшего толчка.

Так соединим же руки и сплотимся вокруг партийных комитетов! Мы не должны ни на минуту забывать, что только партийные комитеты способны достойно повести нас, что лишь они могут осветить нам путь в «землю обетованную», называемую социалистическим миром.

Партия, открывшая нам глаза и указавшая наших врагов, организовавшая нас в грозную армию и поведшая в бой, партия, никогда не покидавшая нас ни в радости, ни в горе и всегда шедшая впереди нас, — это Российская социал-демократическая рабочая партия.

Как живуч был бывший семинарист в суровом комитетчике!

В его представлении народ скитался по пустыне на пути к обетованной земле социализма, а партия, подобно библейскому огненному столпу, освещала дорогу.

Кому же ещё вести народ «и в радости, и в горе», как не священникам и левитам партийных комитетов?

Прокламация завершалась лозунгами:

Долой царское самодержавие!

Да здравствует всенародное Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

¹³ В официальном донесении утверждалось, что партизанские отряды в грузинской деревне состояли главным образом из «временнообязанных крестьян». См.: *История классовой борьбы в Закавказье*, т. 1, с. 23.

Чтобы противостоять революционной угрозе, царское Министерство внутренних дел натравило черносотенные банды на социалистов всех направлений, либералов и евреев.

В Баку черносотенцы начали действовать вскоре после забастовки нефтяников.

На Кавказе роль евреев — козлов отпущения, на которых царизм пытался направить народное недовольство в остальных частях империи, — выполняли армяне.

Здесь постоянно тлела национальная и религиозная вражда между турками и армянами.

Её поддерживали как страсти, вызванные истреблением армян по ту сторону турецкой границы, так и ненависть к местному армянскому среднему классу.

Черносотенцам не составляло труда натравить мусульманскую толпу на армян и утопить Кавказ в кровавой межплеменной вражде.

Мрачные события тех дней ярко описал в воспоминаниях Серго Аллилуев, будущий тесть Сталина:¹⁴

Власти при активной поддержке чиновников всех ведомств и рангов, состоявших в бакинских черносотенных организациях, а также городской и уездной полиции вооружали головорезов «Союза русского народа».

Сначала банды натравливали друг на друга армянских и турецких детей. Затем из-за пострадавших детей начинались шумные ссоры среди взрослых.

Черносотенцы из засад убивали армян и турок, поджигали дома. Разжигая вражду всевозможными приёмами, власти добились желаемого: в августе армяне и турки начали беспощадно истреблять друг друга.

Город наполнился выстрелами. Армянские лавки грабили, жилища разоряли. На дорогах и тротуарах лежали трупы, повсюду слышались стоны истекавших кровью раненых.

То здесь, то там солдаты и полицейские спокойно стояли и наблюдали за резнёй.

Затем черносотенцы начали поджигать фабрики и нефтяные промыслы и распространять дикие слухи, будто это дело забастовщиков.

Под предлогом «борьбы с поджигателями» бандиты и убийцы охотились за видными партийными работниками.

Жизнь для всех нас превратилась в настоящий ад.

Пожары на нефтяных промыслах становились всё опаснее. Вокруг бушевала стихия — грозное, дикое и неукротимое пламя, а повсюду царили смерть и разрушение.

На многие месяцы революция оказалась почти разбита или остановлена в многонациональных городах Кавказа.

Коба писал одну листовку за другой, предупреждая рабочий класс против братоубийственной борьбы и призывая к интернациональной солидарности.

Он с восхищением рассказывал о немногочисленных случаях, когда толпы турок, армян, персов и русских братскими шествиями двигались от церквей к мечетям и кладбищам, чтобы «поклониться любить друг друга».¹⁵

¹⁴ С. Аллилуев, указ. соч., с. 130.

¹⁵ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 81–88.

Он призывал партию поддерживать подобные демонстрации и выступал за соглашения с любыми партиями и фракциями, готовыми совместно противостоять резне и погромам.

Одновременно продолжалась полемика между меньшевиками и большевиками.

В мае Коба выпустил брошюру *Кратко о партийных разногласиях*¹⁶ — очередное повторение ленинских доводов, обильно украшенное неизменными метафорами об обетованной земле социализма.

Брошюра, как и другие статьи, не оставляла сомнений в том, что Коба был непримиримым ленинцем.

На Кавказе большевики сумели привлечь лишь небольшое меньшинство подпольщиков.

Родная Грузия Кобы была главным оплотом меньшевизма.

Он представлял меньшинство внутри меньшинства, поскольку большинство большевистских руководителей края стремилось к сближению с меньшевиками.

На этом этапе Коба неизбежно привлёк внимание Ленина.

Ленин подозревал, что его позиция излагается на Кавказе недостаточно энергично и убедительно, и с приятным удивлением узнал от Максима Литвинова о брошюре Кобы, изданной на русском, грузинском и армянском языках.

Надежда Крупская, жена и помощница Ленина, попросила прислать экземпляр брошюры и грузинской газеты, в которой Коба излагал ленинские взгляды.

Это был первый бесспорный, хотя ещё косвенный, контакт между Лениным и его будущим преемником.

Сомнительно, что Коба привлёк бы внимание Ленина на этом этапе, если бы более видные большевики края безоговорочно поддерживали вождя.

Для Ленина было характерно: когда он чувствовал, что не может положиться на других большевистских руководителей, он стремился установить прямые связи с деятелями второго ряда и рядовыми членами, решительнее его поддерживавшими.

Он ободрял их, посвящал в свои планы и выдвигал на более высокие позиции во фракции. Первые признаки доброжелательного внимания со стороны Ленина дали Кобе приятное возмещение за отсутствие успеха на месте.

Стиль его полемики с местными меньшевистскими сановниками становился всё более фанатичным и ожесточённым.

В нём отражались как ощущение изоляции среди местных товарищей, так и уверенность, которую давало сознание, что он шагает в ногу с самим Лениным.

Одиночество усиливалось смертью двух его друзей и наставников — Цулукидзе и Кецховели.

Оба руководителя меньшинства «Месаме-даси», останься они в живых, вполне могли бы стать такими же твёрдыми большевиками, как он.

Но Кецховели был застрелен тюремщиками в Метехском замке — внушавшей ужас тюремной крепости Тифлиса, — а Цулукидзе умер от туберкулёза.

¹⁶ Там же, с. 89–130.

Тем временем Коба наблюдал, как его учитель разрабатывает новые варианты революционной техники.

Уже на апрельской конференции в Лондоне Ленин поставил перед сторонниками вопрос о вооружённом восстании.¹⁷

Вернувшись в Женеву, он продолжил разработку этой темы.

Царизм, утверждал Ленин, не отречётся добровольно: его придётся свергнуть вооружённым восстанием.

Это была очевидная истина, признававшаяся всеми социалистами.

Но многие представляли восстание как стихийный народный мятеж — одно из тех естественных явлений революции, которые столь же неизбежны и столь же мало поддаются подготовке и планированию, как восходы и закаты солнца.

Ленин презрительно называл подобных социалистов романтическими Микоберами революции, вечно ожидавшими, что что-нибудь само собой подвернётся.

Восстание, утверждал он, является искусством, которому следует учиться и которое необходимо применять на практике.

Ленин напоминал партии такие «элементарные истины», как та, что восстание может победить, лишь постоянно наступая, а оборона означает для него смерть.

Он призывал последователей создавать особые военные отделы партии.

Коба повторял эти доводы в *Пролетариатис брძოლა*:

Многие наши организации уже практически решили этот вопрос и направили часть сил и средств на вооружение пролетариата.

Наша борьба против самодержавия достигла такой стадии, когда все признают необходимость вооружаться.

Но одного признания этой необходимости недостаточно — практическая задача должна быть прямо поставлена перед партией.

Наши комитеты должны немедленно приступить к вооружению народа на местах, создавать особые группы, которым будет поручена эта работа, учреждать районные центры для сбора оружия, организовывать мастерские по изготовлению всевозможных взрывчатых веществ и разрабатывать планы захвата государственных и частных складов оружия и арсеналов...

Разногласия между различными фракциями ни в коем случае не должны препятствовать объединению всех социал-демократических сил для выполнения этой задачи.¹⁸

Коба переводил ленинские указания не только на грузинский язык, но и в практические действия.

Он участвовал в создании и руководстве областной военной организацией, располагавшей прекрасно оборудованной подпольной лабораторией взрывчатых веществ, которую создал Красин.

Правда, идея Ленина о централизованно спланированном и управляемом восстании не осуществилась в Первую революцию.

¹⁷ В. И. Ленин, *Сочинения*, т. 8, с. 336.

¹⁸ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 134.

И всё же боевые дружины вышли на первый план во множестве разрозненных восстаний того года.

На Кавказе они противостояли черносотенцам, защищали рабочие кварталы от межнациональной резни и поддерживали связь с крестьянскими партизанами.

Роль Кобы в новом отделе партии была не ролью боевого командира, а организатора, администратора и вдохновителя.

Новый партийный отдел должен был строиться на началах исключительно строгой конспирации.

Его иерархия и состав были окружены ещё более плотным покровом тайны, чем остальная партия.

Связи между техническим отделом и другими партийными подразделениями действительно сводились к минимуму.

В период расцвета революции ряды партии быстро пополнялись новыми, непроверенными членами.

По мере ослабления царского террора партия смягчала правила и привычки конспирации.

До 1905 года комитеты, исполнительные органы и партийные должностные лица, как правило, назначались вышестоящими комитетами по их собственному усмотрению.

Организация строилась сверху, а рядовые члены не знали, кто входит в различные руководящие органы.

В ходе Первой революции организационный порядок изменился: комитеты были поставлены под демократический контроль рядовых членов.

Назначение сверху сменилось выборами снизу.¹⁹

Однако выборное начало нельзя было распространить на технический отдел.

Значительная часть деятельности Кобы в течение Первой революции, особенно во время её спада, разворачивалась в этом самом тайном редуте партии — вне поля зрения и контроля рядовых членов.

Победоносное вооружённое восстание должно было привести к созданию Временного революционного правительства.

Следующей темой Кобы стали характер и функции этого правительства.

И здесь он точно следовал за Лениным.

Россия не созрела для социализма, и поэтому Временное революционное правительство не должно было стать «диктатурой пролетариата».

Не могло оно быть и парламентским правительством, поскольку в разгар революции парламентский строй был невозможен.

Ленин называл Временное правительство «демократической диктатурой пролетариата и крестьянства».

¹⁹ ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 59; Н. Попов, *Очерк истории Коммунистической партии*, т. 1, с. 174.

Эта громоздкая и внутренне противоречивая формула так никогда и не была ясно разъяснена ни её автором, ни его учениками, хотя с 1905 по 1917 год она лежала в основе всей большевистской пропаганды.

В 1917 году недостаток ясности в этом вопросе вызвал один из самых серьёзных кризисов в истории большевизма, и без того богатой внутренними спорами и потрясениями.

Коба представлял задачи Временного революционного правительства следующим образом. Оно разоружит «тёмные силы» контрреволюции, возглавит гражданскую войну, а затем созовёт Учредительное собрание, избранное всеобщим голосованием.

Между появлением революционного правительства, не получившего власть из какого-либо конституционного источника, и созывом Учредительного собрания правительство должно было провести ряд радикальных реформ, ни одна из которых не выходила бы за пределы буржуазной демократии.

Предусматривались:

свобода печати и собраний;

отмена косвенных налогов;

введение прогрессивного налога на прибыль и прогрессивного налога на наследство;

создание революционных крестьянских комитетов для проведения земельной реформы;

отделение церкви от государства;

восьмичасовой рабочий день;

введение социальных служб и бирж труда и так далее.

В целом программа была значительно умереннее той, которую ровно через сорок лет предстояло принять умеренному лейбористскому правительству Великобритании.

Но для России начала XX века, едва через сорок лет после отмены крепостного права, она означала коренной переворот.²⁰

Коба, подобно всем большевикам, утверждал, что осуществить эту программу можно только посредством союза социалистического рабочего класса с индивидуалистическим крестьянством, поскольку городская либеральная буржуазия не поддержит революцию.

Он понимал, что в долгосрочной перспективе рабочий класс и крестьянство преследуют разные цели и что в конечном счёте их интересы и политика, вероятно, столкнутся.

Но столкновение должно было произойти лишь тогда, когда социалисты попытаются свергнуть капитализм, а это не являлось задачей русской революции.

Таким образом, «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» должна была быть исключительно демократической, поскольку её программа не содержала «ни унции» собственно социализма.

Она должна была быть диктатурой, потому что даже такая ограниченная цель, как учреждение несоциалистической парламентской республики, требовала насильственного диктаторского подавления старого режима.

²⁰ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 138–159.

Она должна была опираться на коалицию двух классов, а значит, в правительство вошли бы представители разных партий.

Отсюда следовало, что социал-демократическая партия обязана войти в правительство, представлять в нём интересы рабочего класса и тем самым «обеспечить гегемонию пролетариата».

Иными словами, социалисты должны были вести за собой партию или партии крестьянства, которые по определению были менее передовыми, менее дальновидными и решительными, чем партия пролетариата.

Меньшевики сохраняли убеждение, что революцию возглавит либеральная буржуазия.

Из этого они делали вывод, что социал-демократическая партия не должна участвовать во Временном революционном правительстве, поскольку задачей социал-демократов не является управление несоциалистической администрацией.

В те годы подавляющее большинство социалистов во всём мире, в том числе умеренных, всё ещё считало участие социалистов в любом коалиционном правительстве актом недопустимого оппортунизма, если не прямого предательства социализма.

Когда французский социалист Мильеран принял портфель буржуазного министра, он автоматически поставил себя вне социалистического движения.

Теперь меньшевики обвиняли Ленина в мильеранизме.

По их мнению, его призыв к участию социал-демократов в несоциалистическом правительстве опасно приближался к простому оппортунизму.

Коба отвечал, что меньшевики смешивают различные типы правительства.

Временное правительство, рождённое революцией и обязавшееся провести радикальные реформы, совершенно отлично от обычной администрации, задачей которой является лишь сохранение существующего порядка.

Что такое кабинет министров? — спрашивал он. — Результат существования обычного государственного порядка.

А что такое Временное революционное правительство? Результат разрушения обычного государственного порядка.

Первое проводит существующие законы при помощи регулярной армии. Второе уничтожает существующие законы и провозглашает волю революции, опираясь на восставший народ. Странно, что меньшевики забыли азбуку революции.

Ленин в его понимании вовсе не являлся самодовольным сторонником министерских портфелей, презренным Мильераном.

Другое возражение меньшевиков — точнее отражавшее их настоящие опасения — состояло в том, что ленинская программа представляла собой насмешку над конституционным правлением.

Ведь Временное правительство, каким его видел Ленин, должно было провести целый ряд коренных реформ ещё до созыва Учредительного собрания.

Критики предсказывали — и их предсказание осуществилось в 1918 году, — что Учредительному собранию придётся либо смириться с совершившимися фактами этих реформ, либо быть разогнанным диктаторским правительством.

Коба считал подобные конституционные сомнения нелепыми.²¹

Он не видел причин, по которым собрание должно было выступить против реформ, проведённых Временным революционным правительством в период конституционного междуцарствия.

Эти реформы, радикально-демократические, но не социалистические, неизбежно получили бы поддержку огромного большинства народа.

Зачем спорить, должно ли Временное революционное правительство отложить реформы до созыва Учредительного собрания, когда совершенно ясно, что неизбежная гражданская война задержит выборы, а до тех пор настроение страны вынудит Временное правительство передать землю крестьянам, установить восьмичасовой рабочий день и так далее?

Самосохранение революции продиктует такой образ действий.

Разве в этом меньшевистском рассуждении, — спрашивал Коба, — не ощущается запах прогнившего либерализма?

Разве не странно слышать его из уст революционера?

Разве меньшевики не напоминают приговорённого, который, готовясь просунуть голову в петлю, умоляет палача не поцарапать прыщ на его шее?

И большевики, и меньшевики всё ещё одинаково определяли общую цель революции: она должна была быть только «буржуазно-демократической» и не более того.

Различие заключалось в тактике.

Меньшевики приспособляли тактику к ограниченной стратегической цели, тогда как ничем не сдерживаемая революционная тактика Ленина противоречила этой цели.

Большевикам было легко доказать, что «буржуазно-демократическая» ортодоксия противников подразумевала отказ от революции.

Меньшевикам было ещё легче доказать, что большевистская концепция внутренне противоречива.

Критика обеих сторон была одинаково убедительна и логически безупречна.

Позиция меньшевиков, несомненно, была более последовательной, но в этой последовательности звучала тревожная нота пассивной покорности, не предвещавшая партии ничего хорошего, окажись она в бурном потоке революции.

Рассуждения Ленина были запутанными, а в грубых пересказах Кобы временами даже бессвязными, но в них звучала революционная воля к власти.

В конце концов, предсказывали некоторые критики Ленина, ему придётся привести стратегию и тактику в соответствие.

²¹ Там же, с. 156.

Он должен будет либо отказаться от крайней тактики, либо выйти за рамки чисто демократической, несоциалистической революции и попытаться провести социалистический эксперимент.

Ленин повторял, что подобный эксперимент в России стал бы донкихотской авантюрой.

Социалистом, уже в 1905 году полагавшим, что победившая революция неизбежно вступит на путь диктатуры пролетариата и социализма, был Троцкий.

Его предсказания и меньшевики, и большевики воспринимали как бред безумца.²²

На «генеральной репетиции» главные исполнители, кроме Троцкого, не только не появились в важнейших актах — даже предназначенные им роли отличались от тех, которые они сыграли в настоящем представлении.

Это, разумеется, относилось и к Кобе.

В октябре царь издал манифест, обещавший конституционные свободы.

Либералы торжествовали.

Они надеялись преобразовать царизм в конституционную монархию и видели в недавно созванной Думе — новом парламенте — орудие такого преобразования.

Большинство меньшевиков и некоторые большевики считали, что социал-демократам следует участвовать в выборах.

Правда, избирательное право было ограниченным, рабочий класс получал крайне слабое представительство, а потому в Думе неизбежно должны были преобладать умеренные либералы.

Меньшевики утверждали, что это не имеет большого значения.

Во время Французской революции умеренное Законодательное собрание под давлением народного движения уступило место более радикальному Конвенту.

Подобные перемены в России сметут Думу и заменят её Конвентом.

Коба не разделял этих взглядов.

Он выступал за бойкот выборов, поскольку теперь, «накануне всероссийского народного восстания», всякие выборы лишь отвлекали внимание народа от непосредственных революционных действий.

В воззвании, написанном им от имени Тифлисского комитета, говорилось:

Пролетариат не просит у правительства мелких уступок, вроде отмены военного положения и прекращения казней в отдельных городах и деревнях...

Тот, кто теперь просит у правительства подобных уступок, не верит в его смерть, тогда как пролетариат дышит этой верой.

Только на костях угнетателей может быть основана народная свобода; лишь кровь угнетателей способна удобрить почву народного самоуправления.²³

Ленин иногда одобрял такие выражения плебейского гнева — русские варианты лозунга *les aristos aux poteaux*, «аристократов — на фонари», — но сам ими никогда не пользовался.

²² Взгляды Троцкого разделял Гельфанд-Парвус, роль которого в русской революции носила лишь эпизодический характер.

²³ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 189–190.

Для этого его вкус был слишком утончённым.

В устах Кобы, сына бывших крепостных, такие слова звучали естественно.

В другой прокламации он призывал к «беспощадной борьбе с либеральными врагами народа», поскольку либералы заключали сделку с царизмом.

Отсюда было недалеко и до обвинений против меньшевиков, хотя большевики и меньшевики всё ещё состояли в одной партии.

Либо буржуазные либералы стали меньшевиками, — замечал Коба, — либо кавказские меньшевики превратились в буржуазных либералов.

Царский манифест вызвал бурю протестов.

Он был слишком половинчатым, чтобы удовлетворить оппозицию, и настолько очевидно свидетельствовал о слабости власти, что неизбежно поощрял новые требования.

За протестами последовали всеобщие забастовки и местные восстания.

Через два месяца после полулиберального жеста царя начальник кавказской полиции докладывал своему руководителю в Петербурге:

Кутаисская губерния находится в критическом состоянии...

Повстанцы разоружили жандармов, овладели западным участком железной дороги, сами продают билеты и поддерживают порядок...

Я не получаю донесений из Кутаиси; жандармы сняты с линии и сосредоточены в Тифлисе.

Курьеров, посылаемых с донесениями, обыскивают революционеры и отбирают документы. Положение там невыносимое...

Наместник перенёс нервный припадок; положение ещё не безнадежно.

Граф знакомится с наиболее важными донесениями, но очень слаб.

По возможности подробности вышлю почтой; если это невозможно — с посыльным.²⁴

Партии вышли из подполья.

Социалистические ежедневные газеты открыто печатались и продавались.

В Петербурге Литвинов и Красин редактировали *Новую жизнь*.

Троцкий возглавлял *Начало* — самое блестящее журналистское предприятие Первой революции, тираж которого достигал примерно полумиллиона экземпляров.

В Тифлисе Коба-Джугашвили и С. Шаумян²⁵ совместно редактировали большевистскую ежедневную газету с менее символическим названием — *Кавказский рабочий листок*.

Газеты просуществовали недолго: полиция закрыла их, как только восстания выдохлись.

Тем временем Коба делил время между редакцией легальной ежедневной газеты, полуподпольными Тифлиским и Кавказским социал-демократическими комитетами и совершенно подпольным техническим отделом партии.

Среди всей этой разнообразной деятельности он также готовил четвёртую конференцию кавказских большевиков, на которой был избран делегатом Всероссийской партийной конференции, впервые созванной Лениным внутри Российской империи.

²⁴ Л. Берия, указ. соч., с. 80.

²⁵ Шаумян — будущий большевистский комиссар Баку, один из двадцати шести комиссаров, расстрелянных антибольшевистскими силами в период британской интервенции на Кавказе.

Фактически конференция проходила в финском городе Таммерфорсе, поскольку Финляндия пользовалась автономией и большей свободой, чем остальная империя, и делегаты чувствовали себя там безопаснее.

Впервые Коба вышел из полуазиатского Кавказа в европейскую Россию, из тифлисской провинции — на по-настоящему общенациональное собрание.

В Таммерфорсе он впервые встретился с Лениным.

Много лет спустя он с характерной яркой грубоватостью описывал впечатление, произведённое на него учителем:²⁶

Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека — великого не только политически, но и физически.

Я представлял себе Ленина гигантом, величественным и внушительным.

Каково же было моё разочарование, когда я увидел самого обыкновенного на вид человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличавшегося от простых смертных...

Обычно великий человек опаздывает на собрание, чтобы присутствующие с замиранием сердца ожидали его появления.

Перед самым его приходом разносится предупреждение: «Тише... молчание... он идёт».

Этот обряд не казался мне излишним, поскольку он производил впечатление и внушал уважение.

Каково же было моё разочарование, когда я увидел, что Ленин прибыл на конференцию раньше остальных делегатов, устроился где-то в углу и непринуждённо ведёт беседу, самую обычную беседу, с самыми обычными делегатами.

Не стану скрывать, в то время это показалось мне некоторым нарушением необходимых правил.

Ничто не могло лучше этих слов самого Кобы показать ограниченность его тогдашнего провинциального кругозора.

Потомок крепостных, возможно, уже научился пользоваться элементарной марксистской терминологией и рассуждать о механике революции.

Но он всё ещё удивлялся, что руководитель этой революции совершенно лишён барских манер.

Бывший семинарист, отвернувшийся от церкви, всё ещё представлял Ленина верховным жрецом или мандарином социализма.

Он пристально смотрел на Ленина, жадно слушал его выступления и следил за каждым движением и жестом.

В этом человеке было достаточно качеств, чтобы глубоко впечатлить тифлисского делегата: неотразимая логика речи, политическое бесстрашие, широта исторического взгляда, тонкость и простота выводов и, не в последнюю очередь, трезвый практический смысл.

²⁶ И. Сталин, *Сочинения*, т. 6, с. 54.

Делегаты прибыли в Таммерфорс в состоянии восторженного возбуждения, опьянённые надеждой на скорое свержение царизма, которую подогревали первые известия о Московском восстании.²⁷

Даже Ленин поддался всеобщему оптимизму.

В конференции имелись и комически-опереточные черты: например, в перерывах между заседаниями делегаты во главе с Лениным отправлялись в лес упражняться в стрельбе из револьверов.

И всё же трезвость и осмотрительность Ленина не исчезли.

На первом заседании он предложил, несмотря на всё происходившее в эти «дни свободы», пользоваться псевдонимами вместо настоящих фамилий.

Охранка ещё не была разбита, говорил он, и полностью отказываться от конспирации пока рано.

Коба принял псевдоним Иванович.

Его роль на конференции была столь же скромной и неприметной, как и выбранное имя.

Пока между ним и Лениным не возникло ни близкого знакомства, ни тем более дружбы.

Но он познакомился с людьми, которым позднее предстояло сыграть важную роль: Лозовским, будущим руководителем Красного интернационала профсоюзов — Профинтерна — и главным официальным представителем во время Советско-германской войны 1941–1945 годов; Ярославским, будущим руководителем Союза воинствующих безбожников; Бородиным, которому ровно через двадцать лет предстояло стать посланником Сталина и военным советником генерала Чан Кайши; Надеждой Крупской, женой Ленина, и некоторыми другими.

Вероятно, Коба с удивлением узнал, что главным вопросом конференции было объединение меньшевиков с большевиками.

События сблизили обе фракции.

Стремление к объединению было сильнее в Центральной России, чем на Кавказе, где раскол не имел большого практического значения, поскольку большевики пользовались слабым влиянием.

Обе фракции чувствовали, что разделение ослабляет их, и стремились положить ему конец.

В Таммерфорсе Лозовский предложил местным организациям немедленно объединиться, не дожидаясь формального соглашения руководителей.

Предложение было принято.

Одновременно с большевиками свою конференцию проводили и меньшевики, принявшие аналогичное решение в пользу объединения.

После двух конференций должны были состояться переговоры руководителей в Петербурге.

Следующим вопросом, обсуждавшимся в Таммерфорсе, стали выборы в Думу.

Следовало ли социал-демократам в них участвовать?

На конференции кавказских большевиков Коба выступал за бойкот.

²⁷ См. рассказ Г. Крамольникова в издании: *Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов*, т. 1, с. 1110–1147.

Место рабочего класса было на баррикадах, а не у избирательных урн.

Однако, к его удивлению, в Таммерфорсе Ленин высказался за участие в выборах или по крайней мере в некоторых их этапах, поскольку выборы должны были быть непрямые.

Тактика бойкота казалась Ленину отрицательной и бесплодной, а противопоставление баррикад и избирательных урн — слишком примитивным, чтобы служить основой разумной политики.

В меньшевистском предположении, что умеренная Дума под давлением народа может уступить место радикальному Конвенту, имелась доля истины.

Кроме того, Ленин верил в правило: *les absents ont toujours tort* — отсутствующие всегда неправы.

Обычный парламентаризм с его речами, привычками к соглашательству и торгу не привлекал Ленина.

Но он не видел причин, почему парламентскую трибуну нельзя использовать для продвижения революционного дела.

Позднее он говорил, что революцию можно проповедовать даже с навозной кучи или из свинарника. Почему же не проповедовать её в «свинарнике» царской Думы?

Большинству делегатов Таммерфорсской конференции — практическим работникам подполья, приехавшим под грохот и ярость забастовок и восстаний, — рассуждения Ленина показались чистым меньшевистским оппортунизмом.

Вместе с другими провинциальными делегатами Коба решительно выступил против предложений учителя.

Подобно остальным, он, вероятно, думал, что великий руководитель, как и многие эмигранты, утратил связь с российской действительностью и недооценивает значение последних событий.

Они, практические работники, изучавшие ход революции не в библиотеках Женевы, Лондона или Парижа, а в трущобах Москвы, Казани и Баку, знали лучше.

Ленин был потрясён неожиданной силой сопротивления.

Возможно, сказал он, практические работники всё-таки правы, и весело объявил, что «в полном порядке отступает со своей позиции».

Кобу-Ивановича избрали в комиссию, которой поручили подготовить резолюцию по этому вопросу.

Это был его первый успех на общенациональном партийном собрании.

То обстоятельство, что он добился успеха в споре с Лениным, не могло не укрепить его уверенности в себе.²⁸

²⁸ «Комитетчик, — пишет Крупская, — обычно был человеком достаточно уверенным в себе и понимавшим, какое огромное влияние работа комитетов оказывает на массы. Как правило, он совершенно не признавал никакой внутрипартийной демократии. “Этот демократизм, требующий избрания комитетов рядовыми членами, лишь приводит к провалам перед властями”, — говорили комитетчики. В глубине души они всегда несколько презирали “заграничных людей”, то есть эмигрантских руководителей. “Их следовало бы послать работать в российских условиях”, — выносили они приговор. Комитетчики не любили нововведений... В 1904–1905 годах на них лежала огромная

Конференция завершилась в последний день богатыми событиями года.

Согласно донесению тайной полиции, имевшей своего агента среди делегатов, на следующий день после конференции «Социал-демократический Центральный комитет и ряд делегатов — меньшевиков и большевиков — собрались в доме № 9 по Загородному проспекту в Петербурге для обсуждения вопроса об объединении».

В донесении среди присутствовавших упоминался Иванович, делегат от Тифлиса.

Коба стал свидетелем любопытной сцены.

Ленин и Мартов говорили о текущих делах в самом примирительном тоне.

Мартов даже согласился принять знаменитый ленинский первый параграф партийного устава — тот самый, который вызвал раскол.

Ленин вполне мог торжествовать.

Казалось, социал-демократия наконец воссоединяется, причём на его, ленинских, условиях. В первые дни января 1906 года, пока Коба возвращался в Тифлис, ход революции уже повернул вспять.

Московское восстание было подавлено.

Восстания в Грузии лишь тлеют под пеплом.

Оправившийся после нервного припадка наместник приказал закрыть *Кавказский рабочий листок*.

Однако изменение обстановки ощущалось лишь постепенно.

Поражения революции воспринимались руководителями как обычный зигзаг сложного движения.

В брошюре *Две схватки* Коба анализировал события года от петербургского шествия до поражения Московского восстания:²⁹ восстание проиграло потому, что оборонялось, хотя должно было постоянно наступать.

Ему не хватало руководства, а причиной этого являлся раскол в социал-демократии.

События доказали необходимость единства, которое вскоре должно было счастливо осуществиться.

Но целительное лекарство единства применяли слишком поздно, и было сомнительно, соответствовало ли его содержание надписи на этикетке.

Меньшевики, поддавшиеся радикальному настроению последних месяцев года, теперь возвращались к прежней, более умеренной или робкой позиции.

Большевики страховали себя от опасностей объединения и создали тайное Кавказское бюро большевиков — своего рода партию внутри «объединённой партии».

После этих предварительных шагов обе фракции направили делегатов на Четвёртый съезд, собравшийся в апреле 1906 года в Стокгольме для утверждения объединения.

Кавказ представляли одиннадцать делегатов — десять меньшевиков и один большевик.

ответственность... но многим из них было чрезвычайно трудно приспособиться к расширившимся возможностям легальной работы и методам открытой борьбы». См.: Н. Крупская, *Воспоминания о Ленине*, с. 93. Слова Крупской, несомненно, отражали мнение Ленина о комитетчиках.

²⁹ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 196–205.

Единственным большевиком был Коба-Иванович.

Во время этой первой заграничной поездки он не успел познакомиться с жизнью вне России. Съезд растянулся в цепь долгих заседаний, бесконечных споров и препирательств.

Коба несколько раз выступал в защиту ленинских взглядов.

Однако по главному вопросу спора — земельной реформе — он занял самостоятельную позицию.³⁰

Меньшевики предлагали конфисковать помещичьи земли и передать их в муниципальную собственность.

Ленин выступал за национализацию земли.

Меньшевики, как обычно, представляли будущую Российскую республику под властью либеральной буржуазии и стремились укрепить более демократическое местное самоуправление в противовес центральной администрации.

Ленин, мысливший категориями «демократической диктатуры рабочих и крестьян», хотел передать право собственности на всю землю центральному правительству.

Коба-Иванович возражал как против национализации, так и против муниципализации.

Он выступал просто за раздел крупных поместий между крестьянами.

Ещё до съезда он изложил взгляды на земельную реформу в грузинском издании *Элва* — «Молния».³¹

Против ленинской политики национализации он выдвигал два довода.

Один словно был заимствован у меньшевиков, другой был характерен для самого Кобы.

Будущее правительство, утверждал он, будет буржуазным, и потому было бы ошибкой чрезмерно усиливать его, передавая в собственность всю землю.

Коба даже не пытался объяснить, как это согласуется с «демократической диктатурой рабочих и крестьян», которую он сам проповедовал.

Но главным возражением против национализации и муниципализации было то, что ни та, ни другая не удовлетворят крестьян.

Будучи революционером крестьянского происхождения, он острее других чувствовал звериный земельный голод мужика.

Даже во сне, — писал он, — крестьяне видят помещичьи поля своей собственностью.

«Разделизмом», как стали называть эту позицию, большинство социалистов клеймило реакционную уступку крестьянскому индивидуализму.

Ленин обрушился на «практических работников», стремившихся снискать расположение отсталого мужика и, пренебрегая социалистическими принципами, бесцеремонно игравших на его жажде собственности.

Иванович отвечал, что предлагаемая им земельная реформа, разумеется, будет содействовать развитию капитализма в деревне, но именно за это, по общему мнению, и боролась революция.

³⁰ Там же, с. 236–238.

³¹ Там же, с. 214–235.

Мелкие хозяйства и сельский капитализм, несомненно, являлись шагом вперёд по сравнению с феодализмом.

Поскольку меньшевики имели большинство, Ленин в конце концов проголосовал вместе с промужицкой группой своей фракции, надеясь таким образом нанести поражение меньшевикам.

Однако он продолжал изливать раздражение на ограниченных «реалистов» типа Кобы.

Этот эпизод стал важным, хотя и далёким, прологом аграрной революции в России в 1917 году и земельных реформ, проведённых в 1945 году в Восточной Европе и Восточной Германии под покровительством Красной армии.

В 1917 году большевики действительно разделили землю между крестьянами, хотя теоретически она была национализирована.

В 1945 году земли прусских юнкеров, польских и венгерских помещиков разделили между крестьянами уже без всякой теоретической видимости национализации.

В Стокгольме в 1906 году Иванович яснее Ленина заранее наметил путь, по которому предстояло пойти подобным аграрным революциям.

Это, впрочем, не помешало Ивановичу-Сталину в 1930 году уничтожить защищаемый им прежде «сельский капитализм» и заменить его коллективным хозяйством.

Сорок лет спустя, в 1946 году, в предисловии к своему собранию сочинений³² Иванович-Сталин попытался объяснить стокгольмское разногласие с Лениным.

Самокритично он приписал его ограниченности и недостатку теоретической проницательности «практических работников», одним из которых являлся сам.

Мы, «практики», признавался он, не понимали, что Ленин уже тогда смотрел вперёд, к русской революции, которая должна была перейти от «буржуазно-демократической» стадии к социалистической.

Сам Сталин полагал, что эти две стадии будут разделены длительным периодом капиталистического развития, поскольку не мог представить социалистическую революцию до того, как рабочий класс станет большинством населения.

Любопытное признание: согласно этому принципу Россия должна была оставаться капиталистической страной до настоящего времени.

Признание позволяет увидеть как сложную эволюцию самого большевизма, так и тот ощупью найденный путь, по которому его руководители под давлением событий изменяли направление революционного путешествия.

Вернувшись из Стокгольма, Иванович рассказал об «объединительном съезде» в специальной брошюре, подписанной «Товарищ К.».³³

В его глазах съезд завершился неудачей.

Резолюции отражали оппортунистический дух меньшевистского большинства.

Неудивительно, что буржуазные либералы ликовали по поводу его результатов.

³² Там же, с. XI–XV.

³³ Там же, с. 250–276.

Среди многочисленных резолюций Стокгольмского съезда имелась одна, непосредственно касавшаяся тайной деятельности Кобы в техническом отделе.

По инициативе меньшевиков съезд осудил налёты боевых дружин на банки, казначейские транспорты и правительственные войска.

Ленин, считавший, что революция всё ещё находится на подъёме и что партизанские налёты являются хорошей подготовкой боевых дружин к ожидаемому всероссийскому восстанию, яростно выступил против резолюции.

Меньшевики чувствовали себя совершенно не в своей стихии, пока продолжался хаос мятежей и восстаний.

Они быстрее большевиков поняли, что революция отступает, хотя никто ещё не решался сказать это прямо.

Плеханов подвёл итог своим позднейшим размышлениям о декабрьском восстании словами:

Не нужно было браться за оружие.

Для Ленина это было чистым кощунством: он не собирался раскаиваться в «безумствах» 1905 года.

Многие меньшевики пока не решались открыто поддержать позднейшее мнение Плеханова, но его фраза точно выражала настроение, постепенно овладевавшее ими.

Вначале спор о боевых дружинах был второстепенной частью более широкой полемики.

Если декабрьское восстание являлось тяжёлой ошибкой, налёты боевых дружин были ещё худшей ошибкой.

Если же революции предстояло продолжать наступление, дружины должны были сыграть важную роль.

Стокгольмский съезд принципиально осудил «партизанскую войну», но не решился вынести безоговорочный приговор.³⁴

Он запретил все виды налётов, за исключением захвата оружия и арсеналов.

Технические отделы вскоре в полной мере воспользовались этой лазейкой и продолжали нападать на высокопоставленных царских чиновников, банки, казначейские транспорты и арсеналы.

Это была самая тёмная и, возможно, самая романтическая глава Первой революции.

Она изобиловала драматическими событиями и неслыханными подвигами.

Её героями были бесстрашные идеалисты, святые и колоритные авантюристы.

Но встречались и провокаторы с обыкновенными бандитами, занимавшимися своим ремеслом под знаменем революции.

Отличить один тип от другого и распутать личные побуждения было нелегко.

Долгое время в Западной Европе было принято говорить и писать об этом эпизоде русской истории как о чём-то исключительно русском, отражавшем загадки славянской души.

³⁴ *Протоколы Объединительного съезда РСДРП в Стокгольме в 1906 году*, с. 262–267, 336–337.

В зависимости от вкуса западные европейцы либо восхищались действиями террористов, либо испытывали отвращение, хотя западноевропейские либералы сочувствовали «неукротимым борцам против царской тирании».

Однако и прославлявшие, и осуждавшие эти поступки считали их настолько далёкими и экзотическими, что ничего подобного якобы не могло случиться в цивилизованной Западной Европе.

К несчастью или, возможно, к счастью, Западная Европа не избежала этого «экзотического» опыта в годы нацистского завоевания.

Движения Сопротивления, маки и партизаны Франции, Италии, Бельгии и Норвегии делали в точности то же самое, что русские совершали почти сорока годами ранее.

Только европейское Сопротивление действовало в гораздо большем масштабе, лучше финансировалось, было куда более «террористическим» и стоило значительно большего числа человеческих жизней.

Русские революционеры считали себя находящимися в состоянии войны с собственным самодержавием и находили в этом нравственное оправдание своим действиям.

Как в оккупированной нацистами Европе, так и в царской России героическое и идеалистическое ядро движения окружали сомнительные элементы.

Основные типы — борцы, идеалисты, авантюристы, герои и бандиты — почти одинаково часто встречались в обоих движениях.

Многие знаменитые загадки «русской души» с поразительной ясностью обнаружались во французских, итальянских, бельгийских и датских душах.

Несмотря на нравственное оправдание, которое революционеры находили для этого особого метода борьбы, многие большевики испытывали тревогу.

Партизанская война могла играть в революции лишь вспомогательную роль, как сорок лет спустя она играла вспомогательную роль в основной войне регулярных армий.

«Регулярной армией», которой должны были подчиняться большевистские боевые дружины, в глазах Ленина был весь восставший русский народ.

Без поддержки всеобщего восстания, предоставленная самой себе и изолированная, партизанская война неизбежно вырождалась в безнадёжную и деморализующую авантюру. По логике следовало ожидать, что Ленин прекратит партизанскую войну и распустит боевые дружины, как только станет ясно, что спад революции не является временным и до следующего подъёма пройдут годы.

Вначале, на протяжении всего 1906 года, Ленин цеплялся за надежду, что революция ещё не исчерпала своих сил.

Возможно, именно это объясняет упорство, с которым он защищал боевые дружины, даже когда Центральный комитет объединённой партии, находившийся под властью меньшевиков, потребовал их распустить.

Но дело заключалось не только в этом.

Поражение поставило большевиков, как и остальные фракции, в крайне тяжёлое финансовое положение.

В 1905 году численность партии росла стремительно, как и поступления от членских взносов.

Богатые сочувствующие делали значительные пожертвования в партийную кассу.

После начала контрреволюции в 1907–1908 годах членство сокращалось ещё быстрее, чем прежде увеличивалось.

Попутчики отвернулись от побеждённой революции, и партия, аппарат которой тем временем разросся до значительных размеров, осталась без средств.

Ленин, настоящий глава революционной администрации, меньше всех был готов допустить гибель аппарата из-за нехватки денег.

Даже если эта революция разбита, считал он, необходимо готовить следующую, и он был полон решимости добыть для этого средства.

Кто, как не боевые дружины, должен был обеспечить партию деньгами, необходимыми для того, чтобы пережить мрачный период контрреволюции и с развевающимися знамёнами вступить во Вторую революцию?

Ленин любил говорить, что при необходимости революционер должен уметь ползти к цели брюхом по грязи.

Теперь он приказал боевым дружинам ползти в грязи, чтобы снабжать революцию.

Сознавая нравственную опасность, Ленин предложил поставить дружины под строгий партийный контроль и очистить их от сомнительных и ненадёжных элементов.³⁵

Кавказ был главным районом деятельности боевых дружин.

Вначале их окружал ореол романтики, прекрасно соответствовавший местной традиции благородного разбойничества.

Всего с 1905 по 1908 год на Кавказе было зарегистрировано 1150 террористических актов.³⁶

Самый знаменитый захват казённых денег, или «экспроприация», как его стали называть, произошёл 23 июня 1907 года на одной из главных площадей Тифлиса.

Другой подобный налёт был совершён на борту парохода *Николай I* в Бакинском порту.

Тифлисская экспроприация принесла четверть миллиона рублей, которые должным образом переправили в большевистскую казну за границей.

Поскольку добыча состояла из банкнот очень крупного достоинства, обменять их в зарубежных банках, предупреждённых об их происхождении, было нелегко.

Несколько видных большевиков, в том числе будущий народный комиссар иностранных дел Литвинов, были арестованы в Западной Европе при попытке обменять деньги.

Дело взволновало российскую и европейскую прессу.

Меньшевики подняли шум против Ленина и передали вопрос на рассмотрение партийного суда.

Председательствовал в нём другой будущий народный комиссар иностранных дел — будущий начальник и соперник Литвинова Чичерин, тогда ещё меньшевик.

³⁵ ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 67–68; Л. Троцкий, *Сталин*, с. 97.

³⁶ Там же

Троцкий предъявил Ленину обвинения на страницах германских социал-демократических газет и привлёк внимание Социалистического интернационала к тому, что назвал опасностью разложения и деморализации русского социализма.³⁷

Роль Кобы во всём этом была значительной, хотя никогда не была точно установлена.

Он выполнял функции своего рода связного между Кавказским большевистским бюро и боевыми дружинами.

Сам он никогда непосредственно не участвовал в налётах.

Он одобрял или отвергал операции, задуманные дружинниками, давал советы, занимался «материально-техническим обеспечением» крупных операций и издали наблюдал за их проведением.

Царская полиция, разыскивавшая исполнителей, никогда не подозревала Кобу в связях с ними.

Его искусство притворства и сокрытия было настолько совершенным, что эта роль оставалась надёжно скрытой даже от партии.

Двумя главными легендарными командирами боевых дружин были его ученики и приближённые — Тер-Петросян, известный как Камо, и Котэ Цинцадзе.

Оба были крупными, добросердечными, романтичными, изобретательными и неутомимыми революционерами, перенёсшими после ареста охранкой нечеловеческие пытки и не выдавшими ни одной тайны.³⁸

Коба, обладавший проницательным взглядом на характер товарищей, знал, что этим двоим можно доверять.

По-видимому, он поручал им свои связи как самым надёжным из надёжных.

Тем не менее кавказские меньшевики, очевидно, догадывались о его действительной роли.

Они пытались предать его партийным судом за нарушение запрета на налёты, принятого последним съездом.

Однако Коба каким-то образом избежал разбирательства и переехал из Тифлиса в Баку.

В нефтяном городе большевики были сильнее, чем в столице Кавказа.

Там, став руководителем Бакинского комитета, он мог бросить вызов обвинителям.

Из-за тайного руководства боевыми дружинами его репутация среди политических противников, и прежде не слишком высокая, упала ещё ниже.

Теперь его регулярно называли уже привычными словами — «безумец» и «дезорганизатор».

Коба не заботился о репутации среди политических противников: он знал, что его действия одобряет Ленин.

Пусть местные меньшевики угрожают исключением из «объединённой» партии.

В его глазах само это единство в любом случае было полупризрачным.

Не тревожило его и пагубное воздействие партизанской войны на политическую атмосферу Кавказа.

В сознании многих революция стала связываться с обычным разбоем.

³⁷ Л. Троцкий, *Сталин*, с. 105; *Моя жизнь*, с. 209–210.

³⁸ Л. Троцкий, *Сталин*, с. 104–108.

Налёты вызывали жестокие репрессии властей, которые устрашали население и, хотя усиливали общую ненависть к царизму, углубляли апатию, питавшую контрреволюцию. Безрассудная тактика боевых дружин приводила к растрате человеческих жизней и энергии. В воспоминаниях С. Аллилуев нарисовал мрачную картину этой героической расточительности.

Она звучит как невольное обвинение политическому руководству дружин, которое по крайней мере на местном уровне осуществлял Коба — его будущий зять.³⁹

Все мучительные дилеммы партизанской войны, с которыми общеевропейскому подполью предстояло столкнуться во время Второй мировой войны, уже тогда встали перед русскими социалистами.

Рассматриваем ли мы способы решения этих дилемм через четыре года или через сорок лет после событий, одинаково трудно вынести приговор — безоговорочно прославлять или осуждать руководителей, которые под давлением событий и среди тысячи неизвестных принимали рискованные и опасные решения.

Большевики были не единственными, кто практиковал партизанскую войну и «экспроприации».

На Кавказе тем же занимались армянские федералисты — значительно более умеренная группа.

Даже грузинские меньшевики, громко осуждавшие большевистские налёты, не отказывались совершать собственные или делить добычу большевистских операций.

В Польше на революционном терроре специализировалось скорее правое, чем левое крыло социалистов.

Самым знаменитым польским террористом был будущий маршал и диктатор Польши Пилсудский.

Одним из главных помощников Пилсудского в организации налётов был польский рабочий Арцишевский, которому в 1945 году предстояло возглавить польское антисоветское эмигрантское правительство в Лондоне.

Казалось, Коба и Пилсудский шли тогда по одной дороге.

Но их методы, а ещё больше побуждения, различались.

В своём романтическом национализме, лишь слегка покрытом социалистическим лаком, Пилсудский обращался к восстаниям донкихотски храброго польского дворянства XVIII и XIX веков.

Он видел себя продолжателем длинной череды национальных героев Польши — Костюшко, Мерославского и других.

Он не возлагал больших надежд на народную, тем более социалистическую революцию, но действительно надеялся освободить Польшу от русского господства посредством партизанской войны.

Коба подобных иллюзий не разделял.

³⁹ С. Аллилуев, указ. соч., с. 159–166.

Его боевые дружины должны были оставаться лишь орудиями — и определённо не решающими — великой народной революции.

Именно этим, между прочим, объясняется разное отношение двух людей к ранним партизанским подвигам после того, как они стали правителями своих стран.

В пилсудской Польше деятельность боевых дружин окружили официальным культом.

Годовщины каждого крупного налёта отмечались торжественно и пышно.

Все исторические подробности, связанные с подвигами Пилсудского, разыскивались и описывались в бесчисленных книгах и статьях.

Многие подробности услужливые историки создавали уже задним числом.

В России роль Сталина в партизанской войне была окружена сдержанным официальным молчанием.

Все его официальные биографы избегали даже намёков на неё.

Сам Сталин никогда не произнёс ни единого слова, чтобы подтвердить или опровергнуть распространённые версии об этом этапе своей деятельности.

Даже чрезвычайно подробная «Биографическая хроника», приложенная к его собранию сочинений, где он сам проследил свою деятельность в период Первой революции месяц за месяцем и неделю за неделей, не содержит ни одного упоминания о партизанской кампании.⁴⁰

Всё, что стало известно, было раскрыто противниками Сталина или рассказано людьми, служившими под его руководством на Кавказе задолго до его восхождения к абсолютной власти.

В свете ленинской традиции его связь с боевыми дружинами не обладала достаточной респектабельностью, чтобы снова выставять её напоказ.

Она представляла собой нечто вроде отклонения или ошибки в карьере Сталина и даже Ленина.

С достоверностью можно утверждать, что в своём первом квазिवоенном выступлении Коба проявил явную склонность к безрассудному и расточительному способу ведения борьбы.

В дальнейшем эта черта обнаружилась с ещё большей силой и в гигантском масштабе.

В мае 1907 года Коба, снова приняв псевдоним Иванович, отправился в Лондон для участия в очередном партийном съезде.

Меньшевики оспаривали его делегатские полномочия.

В конце концов он был допущен на съезд лишь с совещательным голосом.

Его родной край превратился в настолько прочную меньшевистскую «крепость», что он не мог легко получить мандат от какого-либо признанного кавказского органа.

Он утешал себя мыслью, что большевики господствовали в организациях других частей России — в Петербурге, Москве и иных местах.⁴¹

На съезде большевики получили небольшое большинство и сумели наложить отпечаток на его постановления и резолюции.

⁴⁰ И. Сталин, *Сочинения*, т. 1, с. 422.

⁴¹ Там же, т. 2, с. 50–51.

Партизанская война неизбежно стала предметом обсуждения.

Мартов обрушился на Ленина, который на этот раз воздержался от ответа.

Соппротивление боевым дружинам распространилось и внутри большевистской фракции.

Большинство сторонников Ленина хотело прекратить их деятельность.

В этом вопросе меньшевики без труда получили поддержку съезда и добились запрета всех вооружённых налётов и «экспроприаций».

На протяжении всего съезда Коба-Иванович благоразумно сидел тихо и молчал, вероятно, потому, что Ленин предупредил его не разоблачать себя.

Ленин воздержался при голосовании по вопросу о запрете, хотя многие делегаты возмущённо требовали, чтобы он открыто выразил позицию.

Несомненно, Ленин собирался нарушить запрет и провести ещё несколько «экспроприаций».

В остальном споры носили несколько нереальный характер, поскольку и меньшевики, и большевики всё ещё предсказывали близкий «новый революционный взрыв».

При этом меньшевики уже приспособляли политику к условиям наступавшей контрреволюционной эпохи.⁴²

Вернувшись в Баку, Коба-Иванович описал съезд в новой подпольной газете *Бакинский пролетарий*.⁴³

Большевизм, утверждал он, выражал стремления передовых рабочих Центральной России, большинство которых трудилось в тяжёлой промышленности.

Преобладание меньшевиков в родном крае он объяснял «отсталым и мелкобуржуазным» характером провинции.

Меньшевики обличали большевистскую бюрократию, но на съезде среди них оказалось больше партийных чиновников и меньше рабочих, чем во фракции Ленина.

Кроме того, среди умеренных социалистов было мало настоящих русских: большинство составляли евреи или грузины, тогда как подавляющее большинство большевиков были чистокровными русскими.

Кто-то из большевиков пошутил, что, поскольку меньшевики являются фракцией евреев, а большевики — фракцией коренных русских, нам следовало бы устроить в партии погром.

Едва ли в этой тяжеловесной шутке следует искать антисемитизм, поскольку никто не осуждал расовую ненависть резче Кобы.

Но шутка была достаточно двусмысленной, чтобы неприятно поразить слух большинства социалистов.

В докладе Кобы имелось и другое характерное замечание.

Съезд, рассказывал он, резко разделился на две фракции.

Троцкий, не присоединившийся ни к одной, оказался «красиво бесполезным».

Именно на Лондонском съезде Коба впервые встретил будущего великого соперника.

⁴² ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 109–110; Ф. Дан, *Происхождение большевизма*, с. 388–389.

⁴³ И. Сталин, *Сочинения*, т. 2, с. 46–77.

Бывший председатель Петербургского совета, приговорённый к пожизненной сибирской ссылке, сумел бежать как раз вовремя, чтобы прибыть на съезд.

Он громко выражал возмущение ленинской партизанской войной.

Таким образом, уже при первой встрече будущие соперники оказались по разные стороны ожесточённого спора.

Однако за многие заседания в лондонской церкви Братства, где съезд проходил почти три недели, они не обменялись даже несколькими словами.

Личная заинтересованность Кобы в споре заключалась в его собственном положении в партии.

Он не мог не почувствовать себя задетым тем, что Троцкий говорил об «экспроприациях». Выражение о «красивой бесполезности» Троцкого отражало эстетическое впечатление от его великолепного ораторского искусства и, вероятно, ленинское раздражение этим искусством, поскольку Коба, по-видимому, повторил слова вслед за Лениным.

В то время Коба и Троцкий были звёздами совершенно разной величины и яркости.

Едва ли кому-нибудь пришло бы в голову, что однажды они столкнутся в величайшей расправе за всю историю России.

Троцкий уже пользовался всероссийской и европейской известностью.

Звезда Кобы пока едва мерцала на узком кавказском горизонте.

Но уже после первой встречи в лондонской церкви Коба не мог не унести в сердце первое семя неприязни к бывшему председателю Петербургского совета.